

ХРОНИКИ РИЙРИИ

МАЙКЛ
САЛЛИВАН

КОРОННАЯ
БАШНЯ

Annotation

«Рийрия»! Одно упоминание легендарного тандема заставляет невольно поежиться не только богачей, но и самых отъявленных разбойников мира Элан, – мира, где рядом с людьми обитают эльфы, гномы и гоблины, а десятки королевств плетут друг против друга бесконечные политические интриги.

Так кто же они, называющие себя загадочным именем «Рийрия»? Это непревзойденный мастер меча, приветливый и веселый Адриан Блэкуотер и хитроумный нелюдимый Ройс Мельборн, способный пройти сквозь любые двери, – отчаянная парочка бесстрашных благородных воров, работающих исключительно под заказ и готовых выполнить самые деликатные и рискованные поручения.

Но каждая легенда имеет свое начало и свой конец, и легенда о Рийрии – не исключение.

Все начинается с того, что подающий блестящие надежды молодой солдат-наемник Адриан Блэкуотер становится свидетелем жестокого убийства пассажиров на речной барже. Подозрение падает на угрюмого незнакомца, который держится особняком, скрывая лицо под черным капюшоном...

Майкл Салливан

Коронная башня

Michael J. Sullivan

THE CROWN TOWER: BOOK 1 OF THE RIYRIA CHRONICLES

© Michael J. Sullivan, 2013

© Перевод. М. Прокопьева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается читателям, верившим в меня, когда никто не верил.

Добро пожаловать в «Хроники Рийрии».

Если вы новичок в мире Элана, возможно, вам следует прочесть это вступление, чтобы определить, с чего начать, потому что начинать, наверное, нужно не отсюда. Даже тем, кто давно знаком с «Рийрией», может быть небезынтересно узнать немного о том, как появилась эта серия и чего ожидать от нее в будущем.

«Хроники Рийрии» – это приквел к моей дебютной серии «Рийрия» (первоначально выпускавшейся издательством «Орбит», начиная с романа «Похищение мечей» в ноябре 2011-го и заканчивая «Наследником Новрона» в январе 2012-го). Если вы предпочитаете читать книги в хронологическом порядке, начинайте с этого романа – я позаботился о том, чтобы в «Хрониках» не попадались спойлеры. Вам также не потребуются сначала ознакомиться с «Рийрией». Я хотел угодить читателям из обоих лагерей (тем, кто предпочитает хронологический порядок, и тем, кому больше нравится порядок публикации). С учетом вышесказанного, «Хроники» на самом деле лучше читать *после* «Рийрии», и старожилы найдут в них маленькие сюрпризы, которые будут им понятны, потому что они уже знают всю историю целиком. На важные сюжетные ходы это никак не повлияет, это просто маленькие бонусы для тех, кто в курсе дела. Главное, что читатели могут начать путешествие по Элану как с «Коронной башни», так и с «Похищения мечей».

Я бы хотел уделить минутку внимания различиям в структуре этих двух серий. Для тех, кто не в курсе, я написал все шесть романов «Рийрии» до того, как начал издавать их. В той серии это имело колоссальное значение. Несмотря на то что в каждой книге имелся собственный конфликт и развязка, там было несколько сюжетных линий, общих для всех книг серии. По всему тексту я разбросал намеки на тайны, и читателю надлежало пережить немало погонь за знанием, ведь все было выстроено как подготовка к великому финалу, где, скажем так, раскрывались все секреты. Поскольку это была моя первая работа, я мог позволить себе подобную роскошь. В конце концов, никто не ждал продолжения.

При написании «Хроник Рийрии» я избрал иной подход. Я не знаю, сколько частей будет в этой серии, поэтому даю ей открытую концовку вместо того, чтобы создавать единое повествование, поделенное на эпизоды. Эти истории больше похожи на отдельные романы и не составляют настолько целостную картину, как предыдущая серия. Таким образом я смогу перестать писать книги о Рийрии в любое время, не оставляя при этом вопросов без ответа и неразрешенных конфликтов. У меня на это несколько причин. Прежде всего я очень трепетно отношусь к Рийрии. Я очень горжусь своими достижениями, но все мы видели некогда великие сериалы, которые продолжались куда дольше, чем следовало. Во-вторых, я не знаю, захотят ли люди и дальше читать про этих героев. Все-таки я написал и опубликовал восемь романов. Возможно, этого достаточно.

Так что же все-таки такое «Хроники Рийрии»? И почему я решил писать предысторию вместо продолжения? Многим уже известно, что «Рийрия» в переводе с эльфийского значит «двое»; это также название, которое Адриан Блэкуотер и Ройс Мельборн выбрали для обозначения своего дуэта наемных воров. Таким образом, неудивительно, что в «Хрониках Рийрии» эта парочка играет значительную роль. Тщательно продуманная серия «Рийрия» заканчивается концом эпохи, и я очень доволен тем, как завершились описываемые события. После всех усилий, которые я приложил, чтобы подыскать *идеальную концовку*, я боялся, что

любое продолжение покажется своего рода приложением и, вполне вероятно, разрушит нечто очень ценное для меня. Поэтому стало очевидным, что лучше исследовать начало, а не конец.

По сути, «Хроники» – это история возникновения Рийрии. В начале «Рийрии» Ройс и Адриан уже были лучшими друзьями. Проработав вместе двенадцать лет, они были связаны узами, благодаря которым многие читатели восприняли их с такой теплотой. Для меня как для автора было очень интересно выяснить, как два столь разных человека повлияли друг на друга и как зародилось то безграничное доверие, которое существует между ними. Мне пришло в голову, что при первой встрече они бы вовсе не понравились друг другу, вернее, они бы, скорее всего, друг друга возненавидели. Самым трудным для меня стало реалистично показать, как сложился их союз, но в творчестве я больше всего люблю трудности.

Кто-то выдвинул предположение, что взяться за «Хроники» меня вынудил издатель, который хотел, чтобы я вернулся к уже проверенной золотой жиле. Это не так. Все, кто меня знает, в курсе, что никакая сумма не соблазнит меня писать то, что мне неинтересно. Но если в ответе за «Хроники» не «Орбит», то кто же? Я бы сказал, что это в основном читатели, которые настаивали, что 685 000 слов им мало. Благодаря вашей поддержке у меня есть еда на столе и крыша над головой. Я во многом чувствую себя художником эпохи Возрождения, а вы – мои покровители. Но есть еще один человек – наверное, единственный человек, который на самом деле может заставить меня что-либо делать. Этот человек запланировал «Хроники». Она тайно манипулировала мной, и то, как я оказался жертвой ее коварных махинаций, само по себе целая история.

Это классический сюжет о муже, чья жена влюбилась в другого мужчину – более удалого и очаровательного. Звучит трагично, но это немного другая история, потому что роман произошел между реальной женщиной и вымышленным мужчиной. Моя жена – назовем ее Робин (потому что это ее имя) – влюбилась в Адриана Блэкуотера. Не уверен, должен ли я поощрять отношения своей жены с другим мужчиной, но по крайней мере я знаю, что этот парень достоин доверия. Дочитав серию «Рийрия», Робин огорчилась, ведь пришла пора попрощаться с миром Элана и особенно с Адрианом, но потом она поняла, что я могу вернуть и его, и Ройса, чтобы рассказать их предысторию. Эта мысль привела в движение дьявольский план по воскрешению дуэта.

Все началось с того, что она убедила меня написать рассказ, чтобы чем-то порадовать читателей во время перехода от самиздата к традиционному изданию. Предзаказ на «орбитовские» издания «Рийрии» уже существовал (но сами книги еще не вышли), а мои более ранние варианты пришлось удалить, чтобы освободить место. Впервые за многие годы мне нечего было выложить, а поскольку контракт позволял мне выпускать тексты короче романов и поскольку рассказы и должны быть короткими, Робин попросила меня написать рассказ о прошлом Ройса и Адриана.

Дело в том, что я вообще-то не очень хорошо пишу рассказы. Так что я решил относиться к делу, как к написанию главы – первой главы романа. Совершив путешествие во времени, я написал простой рассказик о том, как Ройс и Адриан познакомились с виконтом Альбертом Уинслоу. Это случилось примерно через год после того, как сами герои встретились впервые. Я выпустил рассказ бесплатно под названием «Виконт и ведьма», и читателям, похоже, понравилось. Когда я написал этот рассказ, зерно было посеяно, и пока я работал над другими проектами, оно начало прорастать. Когда стало ясно, что «Рийрия» запущена, я начал работать над книгой, которая превратилась в «Розу и шип».

Уже приближаясь к концу романа, я осознал проблему. Не мог же я издать книгу о том, что случилось на второй год совместной работы Ройса и Адриана. О чем я думал? Возвращение к истокам требовало ответа на вопрос: с чего все началось? Какой смысл в легенде без истории ее возникновения? Чем больше я об этом думал, тем яснее сознавал, что мне нужно написать о первой встрече Ройса и Адриана. Когда я рассказал об этом жене, она выказала сдержанную поддержку: «Если ты считаешь, что так будет лучше, дорогой». Выйдя из комнаты, я услышал приглушенное «Ура!» и представил, как Робин трясет кулаком в воздухе, будто забила выигранный гол. Вот так и появилась «Коронная башня».

Случайно написав книги, действие которых происходит с разницей в один год по эланскому времени, я теперь задумываюсь о серии из двенадцати книг – по одному роману на каждый год до событий «Рийрии». Напишу ли я когда-нибудь все эти истории? На этот вопрос невозможно ответить, пока не увижу, как идут дела у этих двух романов. Но как всегда и бывает в писательстве, я открыл дверь, и теперь через нее заходят идеи. Пока что я коллекционирую их, как красивые ракушки, пока работаю над другими проектами.

Вот так все и сложилось. Счастливый случай, ставший реальностью благодаря страсти хитроумной жены к вымышленному мужчине и легиону читателей, которые захотели читать дальше. Если вы давно знакомы с «Рийрией», надеюсь, эти книги понравятся вам так же, как предыдущие. Если мое творчество для вас в новинку, надеюсь, вы заведете новых друзей, и если так, то впереди вас ждет еще шесть романов, в которые можно окунуться.

Наконец, после прочтения прошу вас написать мне пару слов на адрес michael.sullivan.dc@gmail.com и поделиться впечатлениями. Именно благодаря подобным отзывам и появились «Хроники». Так что если вы захотите читать дальше, самый лучший способ осуществить это желание – высказаться.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Коронная башня

Роза и шип

Смерть леди Далгат

Похищение мечей

Восход империи

Наследник Новрона

Т Р Е Н Т

Г Е Н Т

М Е Л Е Н Г А Р

Г А Л И Л И Н

Ч Е Д В И К

А Л Ь Б

У О Р Р И К

Г Л О С Т О Н

Шаронское море

Р Е Н И Д Д

Эрванон

Аспер

Восточная марка

Медфорд

Западная марка

Дрондиловы поля

Рои

Брод Висенда

Колнора

Аквеста

Ратибор

Килнар

Вернес

Северная река

Лотмадовы зубы

Озеро Уиндгермер
Монастырь Уиндс

Река Галевир

Риланская долина

Шериданский университет

Высокие луга

Сеонское высокогорье

Янтарные горы

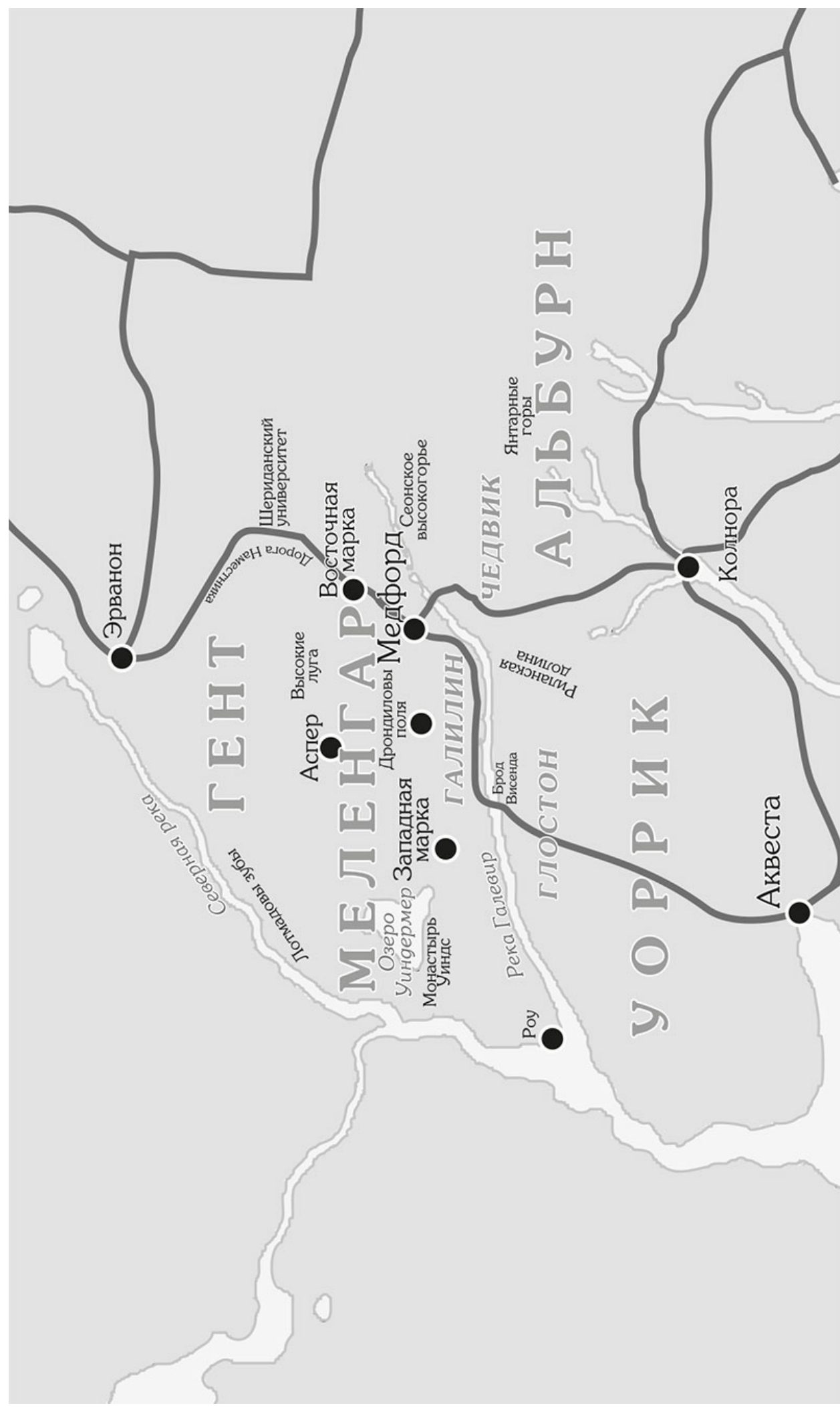
Хинтиндар

Река Бернум

Дорога Наместника

Эрванон

ГЕНТ

Шериданский университет

Дорога Наместника

Высокие луга

Аспер

Восточная марка

МЕЛЕНГАР

Медфорд

Дрондиловы поля

Западная марка

Уиндермер

Монастырь Уиндс

ГАЛИЛИН

Брод Висенда

Река Галеур

Рои

ГЛОСТОН

ЧЕДВИК

Янгарные горы

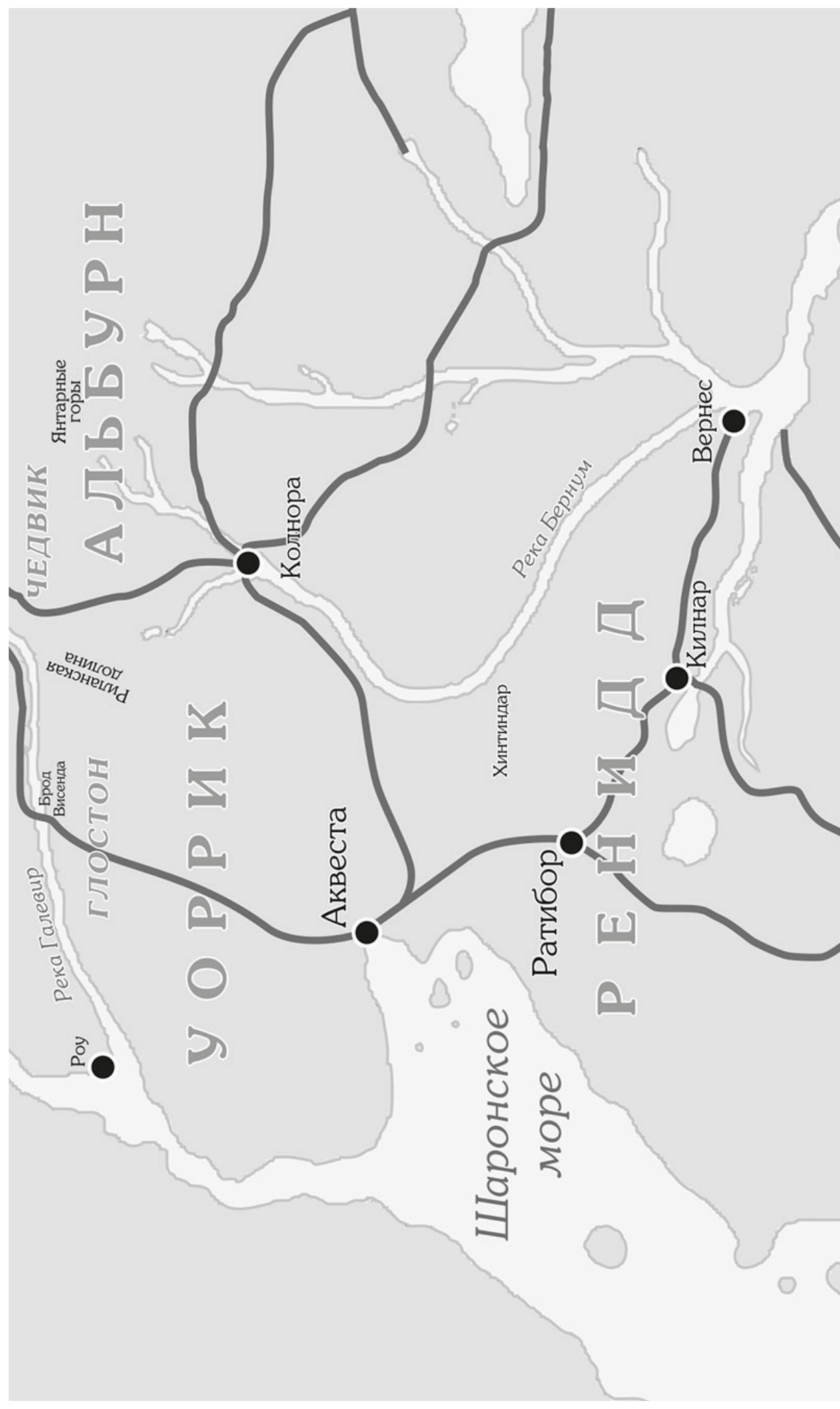
АЛЬБУРН

Колнора

УОРРИК

Аквеста

ЧЕДВИК

Янтарные
горы

АЛЬБУРН

Ританская
долина

Брод
Висенда

ГЛОСТОН

УОРРИК

Река Галевур

Рои

Колнора

Аквеста

Шаронское
море

Хингиндар

Ратибор

Река Бернум

РЕНИДА

Килнар

Вернес

Глава первая. Пиклз

Адриан Блэкуотер сошел с корабля и не успел сделать и пяти шагов, как его ограбили.

Из рук вырвали сумку – его единственную сумку. Адриан даже не сумел разглядеть вора. В освещенной фонарями сутолоке на пирсе он вообще мало что различал. Расталкивая друг друга, одни пассажиры спешили поскорее убраться подальше от трапа, другие же, наоборот, стремились приблизиться к судну. За время долгого плавания Адриан привык к ритму постоянно качавшейся палубы и теперь думал только о том, как удержать равновесие на неподвижном причале в сжимавшей его со всех сторон толпе. Очевидно, подобные ощущения испытывали и прочие пассажиры, многие из которых передвигались с чрезмерной осторожностью, создавая тем самым заторы. Люди на берегу, пришедшие к прибытию корабля, выискивали друзей и родных, кричали, подпрыгивали, размахивали руками, пытаясь привлечь чье-то внимание. Среди них выделялись те, кто явился сюда по делу: они высоко поднимали факелы, выкрикивали предложения жилья и работы. Какой-то лысый человек, взобравшись на ящик, трубным голосом возвещал о том, что в трактире «Черная кошка» подают самый крепкий эль по самым низким ценам. В двадцати футах от него балансировал на шаткой бочке его конкурент, утверждавший, что лысый лжет. Более того, настаивал он, «Счастливая шляпа» – вот единственный из здешних трактиров, где вас не накормят собачьим мясом, выдав его за баранину.

Адриан не обратил внимания на выкрики местных зазывал. Сейчас он мечтал лишь об одном: поскорее выбраться из толпы, чтобы разыскать вора, стащившего его сумку. Однако уже через несколько минут стало понятно, что ничего у него не получится. Что ж, значит, остается только уберечь от подобной участи кошелек да считать, что еще повезло. По счастью, ничего ценного не пропало – в сумке лежала только одежда, хотя перспектива остаться без нее холодной авринской осенью не слишком радовала.

Адриан следовал по течению. Впрочем, иного выбора и не было: мощный поток тел, над которым он возвышался на голову, нес его вперед. Причал скрипел и стонал под ногами пассажиров, бегущих прочь из тесных кают, более месяца служивших им домом. На смену свежему, с соленым привкусом воздуху, к которому они привыкли за несколько недель, проведенных в море, пришли едкие запахи рыбы, дыма и дегтя. Огни города, видневшиеся высоко над тускло освещенным портом, казались яркими маяками в звездном мире.

Адриан шел следом за четверьмя темнокожими калианцами, тащившими ящики с разноцветными птицами, которые издавали пронзительные крики и с грохотом бились о прутья клеток. Сразу за ним плелись бедно одетые мужчина и женщина. Мужчина нес две сумки – одну через плечо, другую под мышкой. Судя по всему, их пожитки никого не заинтересовали. Адриан понял, что допустил ошибку: конечно, надо было одеться как-то иначе. Его восточные одежды – белый льняной сауб и тонкий плащ с золотой каймой – совсем не защищали от холода, зато сразу привлекали к себе внимание в стране кожи и шерсти, намекая на то, что их обладатель *богат*.

– Эй! Сюда! – послышался чей-то голос, едва различимый в какофонии криков, свиста, стука колес и звона колоколов. – Сюда! Да-да, вы, идите сюда. Ну же, скорее!

Преодолев большую часть заторов, Адриан наконец добрался до конца пирса, где заметил одетого в лохмотья худосочного подростка, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу в ярком свете качающегося фонаря. В руке он держал сумку Адриана. На лице

сияла широкая радостная улыбка.

– Да-да, вы! Подойдите, пожалуйста. Сюда-сюда! – звал он, размахивая свободной рукой.

– Это моя сумка! – воскликнул Адриан, пытаясь пробраться к пареньку сквозь остатки толпы, запрудившей узкий пирс.

– Да! Да! – Босоногий юнец улыбнулся еще шире. Глаза его светились воодушевлением. – Вам очень повезло, что я забрал ее у вас, а то бы ее непременно украли!

– Ты ее и украл!

– Нет! Нет! Вовсе нет. Я преданно защищал ваше самое ценное имущество. – Подросток расправил костлявые плечи и приосанился, будто собираясь отдать честь. – Не пристало такому человеку, как вы, самому носить свои вещи.

Адриан протиснулся мимо трех женщин, которые остановились успокоить плачущего ребенка, но тут перед ним вырос какой-то старик, тащивший невероятных размеров сундук. Тощий, словно бесплотное привидение, и седой как лунь, старик перегородил узкий проход, который и без того уже был завален горой сумок, небрежно сброшенных на пирс с корабля.

– Что значит «такой человек, как я»? Что ты хочешь этим сказать? – прокричал Адриан из-за сундука.

– Ну как же! Разве вы не прославленный рыцарь?

– С чего ты взял?

Мальчишка вскинул руку в сторону Адриана.

– Меня не проведешь! Вон вы какой высоченный! Да еще мечи носите – целых три! А на спине-то какой огромный! Такие бывают только у рыцарей.

Сундук застрял между опалубкой и пирсом. Адриан вздохнул, наклонился и высвободил его, за что получил от старика несколько благодарственных слов на непонятном языке.

– Ну, что я говорил! – вскричал мальчишка. – Только рыцарь окажет помощь попавшему в беду незнакомцу, как это сделали вы!

На кучу рядом с Адрианом обрушилось еще несколько сумок. Одна из них скатилась вниз и с глухим всплеском нырнула в темную воду. Адриан метнулся вперед, чтобы уберечь голову от очередных сброшенных с корабля вещей, а главное – вернуть свои собственные.

– Я не рыцарь. А теперь отдай мне сумку!

– Я ее понесу. Меня зовут Пиклз. Однако нам пора. Идемте скорее! – Паренек прижал к груди сумку Адриана и затрусил прочь.

– Эй!

– Скорее, скорее! Не стоит здесь задерживаться.

– Куда ты торопишься? О чем ты вообще говоришь? И верни мне наконец сумку!

– Вам очень повезло, что у вас есть я! Я превосходный проводник. Знаю, где найти все, что вам нужно. Со мной вы будете иметь все самое лучшее за меньшие деньги.

Наконец Адриан догнал мальчишку, ухватился за сумку и потянул ее, но вместе с сумкой подтащил к себе и Пиклза, который намертво вцепился в парусиновую ткань.

– Ха! Видите? – ухмыльнулся тот. – Из *моих* рук никто не вырвет вашу сумку!

– Послушай... – Адриан остановился на минутку, чтобы перевести дыхание. – Мне не нужен проводник. Я не собираюсь здесь оставаться.

– Куда вы направляетесь?

– На север. Далеко на север. В место под названием Шеридан.

– А! В университет...

Слова Пиклза изрядно удивили Адриана. Парнишка не производил впечатления

человека, хорошо знающего мир. Скорее он напоминал брошенную собаку, которая когда-то, возможно, имела хозяина и носила ошейник, но теперь у нее были только блохи, торчащие ребра и обостренный инстинкт выживания.

– Так вы собираетесь стать ученым? Как же я сразу не догадался! Прошу меня простить, если нечаянно оскорбил вас. За такую мою оплошность вы должны лишить меня чаевых. По всему видно, вы очень умны – разумеется, из вас получится великий ученый. И мне это даже больше по душе. Я знаю, куда мы с вами сейчас двинемся. По реке Бернум ходит баржа. Да, баржа – вот что нам нужно, и она как раз отправляется сегодня вечером. Следующая будет только через несколько дней, но вы ведь не хотите задерживаться в этом ужасном городишке. Мы быстренько доберемся до Шеридана.

– Мы? – усмехнулся Адриан.

– А я вам еще пригожусь! Ведь я хорошо знаю не только Вернес, но и весь Аврин – исколесил его вдоль и поперек. Я буду сопровождать вас, стану вашим помощником, буду защищать ваши интересы и оберегать вещи от воров, пока вы заняты учением. Согласитесь, уж с этой работой я великолепно справляюсь!

– Я не студент и не собираюсь им становиться. В Шеридане мне всего лишь нужно повидаться с одним человеком, и никакой помощник мне не нужен.

– Ну конечно, зачем вам помощник, раз вы не собираетесь становиться ученым! Но как сын благородного лорда, только что вернувшийся с востока, вы, несомненно, захотите обзавестись слугой, а из меня получится отличный слуга. Я позабочусь о том, чтобы ваш ночной горшок всегда был пуст, а зимой всегда жарко горел огонь. Летом же я буду обмахивать вас опахалом и отгонять надоедливых мух.

– Пиклз, – твердо сказал Адриан. – Я не сын лорда, и мне не нужен слуга. Я... – Он замолчал, заметив, что внимание паренька привлекло что-то другое, а радостное выражение на его лице сменилось испугом. – В чем дело?

– Я же говорил, нужно поторопиться. Мы должны немедленно убраться из порта!

Обернувшись, Адриан увидел, как по пирсу маршируют вооруженные дубинами здоровяки. От их тяжелых шагов сотрясался весь причал.

– Вербовщики, – тихо пояснил Пиклз. – Не успеет причалить корабль, как они тут как тут. Отлавливают новоприбывших вроде вас, и потом те просыпаются уже в трюме отплывшего корабля. О нет! – Судя по этому восклицанию, один из вербовщиков их заметил.

Здоровяк похлопал товарищей по плечам. Раздался короткий свисток, и все четверо повернулись в сторону Адриана и Пиклза. Мальчишка вздрогнул и, слегка согнув ноги в коленях, чуть подался вперед, как человек, который в следующую секунду пустится наутек, но затем, взглянув на Адриана, только прикусил губу и не сдвинулся с места.

Люди с дубинами бросились к ним, но, увидев мечи Адриана, замедлили шаг и в нерешительности остановились. Всех четверых легко можно было принять за родных братьев, настолько одинаковыми выглядели их заросшие щетиной лица, неопрятные сальные волосы, задубевшая кожа и злобное выражение, которое, похоже, редко покидало их лица, о чем свидетельствовали глубокие, похожие на вмятины складки, образовавшиеся между вечно насупленными бровями.

С минуту они в замешательстве рассматривали Адриана. Затем вперед выступил верзила в замызганной рубахе с разодранным рукавом и спросил:

– Ты рыцарь?

– Нет, я не рыцарь, – закатывая глаза, сердито сказал Адриан.

Другой верзила рассмеялся и с силой толкнул товарища с драным рукавом.

– Ну ты и тупица! Он же немногим старше этого мальчишки.

– Да не пихайся ты на скользком причале, болван! – Вербовщик вновь перевел взгляд на Адриана. – Не так уж он молод.

– Да кто их разберет, – пожал плечами один из его товарищей. – Благородные иной раз такое вытворяют! Слыхал я, один король как-то посвятил в рыцари своего пса. Его называли сэр Шарик.

Вербовщики захохотали. Адриану эта история тоже показалась забавной, и он чуть было к ним не присоединился, но его остановило выражение ужаса на лице Пиклза.

Верзила с разорванным рукавом приблизился к ним еще на один шаг.

– Наверняка он какой-нибудь оруженосец. Милостивый Марибор! Вы только гляньте на все эти железяки! Где твой господин, парень? Поблизости?

– Я не оруженосец, – ответил Адриан.

– Нет? А откуда тогда столько железа?

– Не ваше дело.

Вербовщики зловеще ухмыльнулись.

– Думаешь, ты такой крепкий орешек, а?

Верзила окружили Адриана и Пиклза, крепче стиснув дубины. У одного из них через дырку в рукоятке был пропущен кожаный шнурок, обернутый вокруг запястья.

«Знают, видно, что так надежнее», – подумал Адриан.

– Лучше оставьте нас в покое, – дрожащим голосом сказал Пиклз. – Разве вы не знаете, кто это? – Он указал на Адриана. – Это знаменитый мечник – прирожденный убийца.

Снова послышались смешки.

– Да неужели? – спросил стоявший ближе всех вербовщик и сплюнул сквозь редкие желтые зубы.

– О да! – настаивал Пиклз. – Он ужасен – настоящее чудовище – и чертовски обидчив! Представить себе не можете, до чего он опасен!

– Это сопляк-то? – Вербовщик окинул Адриана оценивающим взглядом и презрительно скривил губы. – Вымахал, конечно, на славу, ничего не скажешь, но сдается мне, у него еще молоко на губах не обсохло. – Он перевел взгляд на Пиклза. – Ну а ты-то ведь не жестокий убийца, а, малец? Ты – грязный уличный крысеныш, вчера я видел тебя в пивной, где ты подбирал с полу объедки. Тебе, мальчик мой, предстоит начать новую жизнь в море. Для тебя это наилучший вариант. Там тебя накормят и научат работать – трудиться в поте лица. Станешь настоящим мужчиной.

Пиклз попытался увернуться, но верзила схватил его за волосы.

– Отпусти его, – сказал Адриан.

– Как ты там говорил? – усмехнулся здоровяк, державший Пиклза. – *Не ваше дело?*

– Это мой оруженосец, – заявил Адриан.

Снова раздался дружный хохот.

– Ты же сказал, что не рыцарь, помнишь?

– Он работает на меня, этого достаточно.

– Нет, недостаточно, и теперь он работает на морское судоходство.

Обхватив мускулистой рукой шею Пиклза, вербовщик заставил мальчишку нагнуться, а другой громила, вытащив из-за пояса моток веревки, вплотную подошел к нему.

– Я сказал, отпусти его, – повторил Адриан громче.

– Эй! – рывкнул верзила с разорванным рукавом. – Ишь, раскомандовался, сопляк! Можешь убираться восвояси! У тебя наверняка есть хозяин, ведь кто-то же всучил тебе аж три меча, и этот кто-то как пить дать заметит твое исчезновение. А нам такие неприятности ни к чему, ясно? Но и ты не нарывайся на неприятности. Еще раз попадешься нам на глаза, все кости тебе переломаем. Будешь упрямиться и грубить, закинем в лодку. А если совсем встанешь как кость в горле, так и без лодки обойдемся.

– Как же я ненавижу таких типов, как вы! – сказал Адриан, печально качая головой. – Я только что сюда приехал. Месяц провел в море – целый *месяц!* – чтобы убраться подальше от подобных делишек. – Он с отвращением скривился. – И вот на тебе, тут же нарвался на вас – да и на тебя тоже! – Адриан ткнул пальцем в сторону Пиклза, которому вербовщики связывали руки за спиной. – Я не просил тебя о помощи. Я не искал проводника, помощника или слугу. Я и один неплохо со всем справляюсь. Так нет, надо же было тебе схватить мою сумку да еще выказать столько дружелюбия! А хуже всего то, что ты вовремя не смылся. Не знаю, может, тебе для этого мозгов не хватило... Но мне почему-то кажется, что ты остался мне помочь.

– Жаль, не получилось... – грустно посмотрел на него Пиклз.

Адриан вздохнул.

– Черт подери! Ну вот, снова-здорово! – Он оглянулся в сторону вербовщиков, уже зная, чем обернется – чем всегда оборачивалось нечто подобное! – но решил прежде хотя бы попытаться их урезонить. – Послушайте, я не рыцарь и не оруженосец. Эти мечи принадлежат мне, и хотя Пиклз думает, что блефовал, я и в самом деле...

– Ой, да заткнись ты!

Верзила с разорванным рукавом сделал шаг к Адриану и замахнулся на него дубиной. На скользком причале Адриану не составило труда схватить громилу за руку и так вывернуть локоть и запястье, что раздался треск – как будто раскололась скорлупа ореха. Он оттолкнул орущего от боли вербовщика, и тот со всплеском рухнул в воду.

Адриан мог бы обнажить мечи – и по привычке чуть было так и не сделал, – но он дал себе слово, что теперь в его жизни все будет иначе. Кроме того, прежде чем столкнуть вербовщика в воду, он выхватил у него дубину – кусок твердого пеканового дерева более фута длиной и диаметром примерно дюйм. От частого ее применения на протяжении долгих лет рукоятка дубины сделалась гладкой, а другой конец побурел от крови, ввевшейся в древесину.

Один вербовщик удерживал Пиклза, а двое атаковали Адриана. Окинув опытным взглядом положение их ног и рассчитав вес и направление удара, Адриан увернулся от замаха первого нападавшего, поставил второму подножку и, пока тот падал, ударил его по затылку. При соприкосновении дубины с черепом раздался глухой звук, словно удар пришелся по тыкве, и рухнувший на деревянный настил верзила уже больше не двигался. Другой снова замахнулся. Адриан отразил удар пекановой палкой и попал вербовщику по пальцам. Тот заорал и выпустил из рук дубину. Адриан ухватился за нее, болтающуюся на кожаном шнуре, резко дернул, заломив руку противника назад, и с силой потянул. Кость не сломалась, но вывих плеча был бедолаге обеспечен. Ноги вербовщика задрожали, боевой дух окончательно его покинул, и Адриан толкнул его в воду вслед за товарищем.

Когда Адриан повернулся, чтобы сразиться с последним из четверки, Пиклз уже стоял в одиночестве, потирая шею. Его потенциальный пленитель уносил ноги с невероятной быстротой.

– Как тебе кажется, он приведет друзей на подмогу? – спросил Адриан мальчишку.

Пиклз промолчал. Он лишь таращился на Адриана с открытым ртом.

– Думаю, нет смысла оставаться, чтобы это выяснить, – ответил самому себе Адриан. –

Так где, говоришь, эта твоя баржа?

* * *

Вдали от морского причала город Вернес был все таким же гнетущим и удушливым. Узкие, мощенные булыжником улицы образовывали лабиринт в тени почти касавшихся друг друга балконов. Свет фонарей и луны едва проникал сюда, а некоторые одинокие улочки и вовсе тонули во мраке. Теперь Адриан был рад, что судьба послала ему Пиклза. Оправившись от пережитого страха после столкновения с вербовщиками, «уличный крысеньш» вел себя скорее как охотничий пес. С легкостью, выдававшей немалый опыт, он уверенно бежал по городским закоулкам, перепрыгивая через лужи, от которых несло отходами, и ловко обходя бельевые веревки и строительные леса.

– Здесь живут в основном корабельщики, а вон там, возле пристани, – общежитие портовых рабочих. – Пиклз указал на мрачное трехэтажное здание с одной дверью и немногочисленными оконцами. – Большинство в этой части города живут здесь или в таком же бараке на южной окраине. Здесь все связано с судоходством. А вон там, высоко на холме – видите? Это цитадель.

Адриан поднял голову и разглядел темные очертания освещенной факелами крепости.

– Это не совсем замок, скорее, контора, где работают спекулянты и купцы. Чтобы сберечь все то золото, что они там хранят, нужны высокие, прочные стены. Вот куда идут деньги с моря. Все бежит под гору, но золото течет вверх.

Пиклз обогнул перевернутое ведро и спугнул пару крыс размером с хорошего кота, которые шмыгнули под защиту более густой темноты. Почти проскочив мимо какой-то двери, Адриан вдруг понял, что куча тряпья на крыльце – на самом деле древний старик с всклокоченной седой бородой и изборожденным морщинами лицом. Старец сидел неподвижно, казалось, даже не моргал, и Адриан заметил его только после того, как чашка его курительной трубки запылала ярким оранжевым светом.

– Грязный городишко, – бросил через плечо Пиклз. – Я рад, что мы уезжаем. Тут слишком много чужеземцев – особенно с востока, а сколько еще, наверное, прибыло на одном с вами корабле! Станный народ эти калианцы. Их женщины занимаются ворожбой и предсказывают будущее, но по мне, так лучше поменьше знать о своем будущем. На севере, к счастью, нам не придется сталкиваться с подобными вещами. В Уоррике ведьм зимой жгут как дрова. Ну... во всяком случае, так мне рассказывали... – Пиклз резко остановился и обернулся к Адриану. – Как вас зовут?

– Наконец решил спросить, а? – усмехнулся Адриан.

– Мне нужно знать, чтобы обеспечить вас местом на барже.

– Я и сам могу об этом позаботиться. Если, конечно, ты действительно ведешь меня к барже, а не в какой-нибудь темный уголок, где шарахнешь по голове, чтобы наконец обчистить до нитки.

– Я бы никогда так не поступил, – обиделся Пиклз. – Неужели вы считаете меня таким дураком? Я же видел, что ожидает того, кто попытается *шарахнуть вас по голове*. Да к тому же мы уже прошли с десятков отличных темных уголков. – Пиклз улыбнулся своей

удивительной широкой улыбкой, отчасти озорной, отчасти гордой, но более всего простой и радостной от того, что он вообще живет на свете. Адриан и припомнить не мог, когда сам в последний раз чувствовал себя так, как выглядел сейчас Пиклз.

Главарь вербовщиков верно угадал возраст мальчишки. Пиклз был всего на четыре-пять лет моложе Адриана. «Пять, – подумал он. – Парень на пять лет младше меня. Он – это я, до того как ушел из дома. Неужели и я тогда так улыбался?»

Адриан задумался над тем, как долго Пиклз прожил в одиночестве и сумеет ли он сохранить эту свою улыбку через пять лет.

– Адриан. Адриан Блэкуотер. – Он подал Пиклзу руку.

Мальчишка кивнул.

– Хорошее имя. Очень хорошее. Лучше, чем Пиклз. А впрочем, любое получше будет.

– Тебя мать так назвала?

– Ох, ну конечно! По слухам, она и зачала, и родила меня на одном и том же ящике с пикулями. Как не поверить в подобную историю? Даже если это вранье, так вполне могло быть.

Оставив позади мрачный лабиринт, они вышли на широкую улицу, пролежавшую в более высокой части города. Внизу Адриан увидел пирс и мачты корабля, на котором он прибыл из Калиса. На берегу все еще толпился народ – кто-то искал ночлег, а кто-то свои вещи. Адриан вспомнил упавшую в воду сумку. Сколько еще людей окажутся в незнакомом городе без своего единственного добра?

Где-то рядом залаяла собака. Адриан повернул голову, и в конце небольшой узкой улочки ему почудилось едва уловимое движение. Впрочем, он не был в этом уверен. Во всем кривом переулке горел один-единственный фонарь. Большая же его часть тонула во мраке, местами неравномерно разгоняемом сизым сиянием луны. Тут квадрат, там треугольник – видно при таком освещении было плохо, и определить расстояние удавалось с трудом. Может, еще одна крыса? Да нет, не похоже... Вроде бы что-то побольше. Адриан ждал, вглядываясь в темноту. Никакого движения.

Он обернулся и увидел, что Пиклз уже пересек большую часть площади, дальняя сторона которой, к радости Адриана, вплотную примыкала к очередному порту. Этот порт располагался в устье реки Бернум, в ночное время походившей на широкую полосу тьмы. Адриан бросил последний взгляд на узкие улочки. Там по-прежнему не было никакого движения. *Призраки*. Вот в чем дело – его преследовало собственное прошлое.

От Адриана разило смертью. Смерд этот не ощущали окружающие, но, прилипчивый, как запах пота после долгой ночной пьянки, и не смываемый водой, он повсюду преследовал Адриана. Однако не выпивка была причиной отвратительной вони, а кровь. Нет, Адриан не пил ее, хотя знал и таких, кто этим не брезговал. Просто весь он, с головы до ног, был пропитан кровью. Но теперь этому настал конец. Во всяком случае, он убеждал себя в этом со страстью недавно протрезвевшего человека. Того, другого, Адриана, совсем юного, он оставил на другом краю света и теперь что было сил бежал от него.

Вспомнив, что так и не забрал свою сумку у Пиклза, Адриан бросился ему вдогонку, однако не успел он подбежать к мальчишке, как тот влип в очередную неприятную историю.

– Это его сумка! – кричал Пиклз, указывая на Адриана. – Я помогал ему добраться до баржи, пока она не отплыла.

Парня окружили шестеро солдат, облаченных в кольчуги и с квадратными щитами в руках. Грудь и плечи того, который, судя по всему, был главным, защищала пластинчатая

броня, оканчивающаяся латной юбкой из шипованной кожи. Шлем был украшен роскошным плюмажем. К этому человеку обращался Пиклз, тогда как двое других удерживали мальчишку на месте. Все они повернулись, когда подошел Адриан.

– Твоя сумка? – спросил стражник.

– Да, и парень говорит правду. – Адриан указал в сторону реки. – Он сопровождает меня к той барже.

– Торопишься покинуть наш прекрасный город, не так ли? – В голосе стражника слышалось подозрение, и он внимательно рассматривал Адриана.

– Не хочу оскорбить Вернес, но это действительно так. У меня дела на севере.

Стражник шагнул ближе.

– Как тебя зовут?

– Адриан Блэкуотер.

– Откуда ты?

– Изначально из Хинтиндара.

– Изначально? – скептически переспросил стражник, и его брови поползли вверх.

Адриан кивнул.

– Я несколько лет прожил в Калисе, – пояснил он. – Только что вернулся из Дагастана вон на том корабле.

Стражник бросил взгляд в сторону порта, затем посмотрел на одежду Адриана: сауб до колен, свободные хлопковые штаны и куфия на голове. Подавшись вперед, он потянул носом воздух и скривился.

– Действительно только с корабля, и наряд у тебя калианский. – Он вздохнул и повернулся к Пиклзу. – Но этот мальчишка ни на каком корабле не был. Утверждает, что едет с тобой на север. Это так?

Адриан покосился на Пиклза и увидел в глазах паренька надежду.

– Да. Я нанял его в качестве... э... слуги.

– И чья это была идея? Его или твоя?

– Его. Но он мне очень помог. Без него я бы не нашел эту баржу.

– Ты только что с одного корабля, – проговорил стражник, – и уже торопишься сесть на другой. Мне это кажется странным.

– Ну, вообще-то я никуда не тороплюсь, но Пиклз говорит, что баржа скоро отходит, а следующая будет только через несколько дней. Это правда?

– Да, – ответил стражник. – Очень удобно, не так ли?

– Могу я спросить, в чем наша вина? Или существует какой-то закон, запрещающий нанимать провожатого и платить ему за то, чтобы он с тобой путешествовал?

– Нет, но в городе творятся ужасные вещи – прямо скажем, отвратительные. Так что мы, естественно, интересуемся каждым, кому не терпится уехать, а в особенности теми, кто ошивался в городе последние несколько дней, – стражник уставился на Пиклза.

– Я ни в чем не виноват, – пробурчал мальчишка.

– Ты уже это говорил. Но даже если это правда, возможно, тебе что-нибудь известно. Сдается мне, ты стараешься сделать все возможное, чтобы поскорее исчезнуть, и лучший способ это осуществить – прибиться к кому-нибудь, кто находится вне подозрений, правильно?

– Я ничего не знаю об убийствах!

Стражник повернулся к Адриану.

– Ты свободен. Можешь идти своей дорогой, но тебе лучше поторопиться. Пассажиров уже созывают.

– А как же Пиклз?

Стражник покачал головой.

– Я не могу отпустить его с тобой. Вряд ли мальчишка виновен в убийствах, но он может знать, кто их совершил. Уличные сироты видят много такого, о чем не хотят говорить, если полагают, что им удастся избежать расспросов.

– Я уже сказал, что *ничего* не знаю. Я даже не был на том холме!

– Тогда тебе не о чем беспокоиться.

– Но... – Казалось, Пиклз вот-вот заплачет. – Он собирался увезти меня отсюда. Мы хотели ехать на север. Мы собирались ехать в университет.

– Эй! Эй! Заканчивается посадка! Баржа в Колнору! Заканчивается посадка! – проорал кто-то на причале.

– Послушай... – Адриан развязал кошелек. – Ты оказал мне услугу и заслуживаешь вознаграждения. Возьми эти деньги. Когда тебя закончат допрашивать, отправляйся в Шеридан, если еще не оставишь мысль работать у меня. Сядешь на следующую баржу или повозку на север, не важно. Я пробуду там около месяца или, по крайней мере, пару недель. – Адриан вложил монету в руку юноши. – Когда приедешь, спроси профессора Аркадиуса. Я еду к нему, и он тебе расскажет, где меня искать. Хорошо?

Пиклз кивнул с несчастным выражением на лице. Затем он посмотрел на монету, выпучил глаза, и на губах его заиграла широченная улыбка.

– Да, сэр! Приеду, как только смогу. Конечно же, вы можете на меня положиться. А теперь бегите, пока баржа не отошла без вас.

Адриан кивнул, подобрал сумку и помчался к причалу, где у трапа, ведущего на продолговатую плоскую лодку, ждал портовый служащий.

Глава вторая. Гвен

Со второго этажа донеслись крики, и Гвен поняла, что уже ничем не сможет помочь. Она опоздала. Потолок задрожал, и в кружки пьянчуг у барной стойки посыпался мелкий мусор. Глухой стук наверху походил на удары дубиной по голове.

«Нет, не дубиной, – догадалась Гвен. – Он бьет Эйвон головой об пол».

– Эйвон! – закричала она, взбегая по лестнице.

На повороте с лестничной клетки в коридор она со всего маху врезалась плечом в стену. Висевшее там маленькое зеркало упало на пол и разлетелось на тысячи осколков. Гвен помчалась по коридору, туда, откуда слышались нечеловеческие вопли, напоминавшие о скотобойне – полные безысходности крики обреченных на смерть.

«Стейн убьет ее», – в ужасе подумала Гвен.

Она рванула дверь на себя, однако та оказалась заперта изнутри на задвижку. Тогда Гвен попыталась вышибить дверь, но крепкое дерево не шелохнулось под натиском ее легкого миниатюрного тела. Между тем звук глухих ударов в комнате, казалось, стал мягче, не такой резкий и теперь напоминал влажное чавканье. Крики стихли и сменились слабыми стонами.

Гвен ворвалась в комнату напротив, где Мэй развлекала рыжеволосого клиента из Восточной марки, но жуткие вопли Эйвон вынудили их прекратить то, чем они занимались. Мэй испуганно вскрикнула, а Гвен с ходу пнула шатавшийся столбик в изножье кровати. Плотник сколотил каркас из цельных кусков клена, но неплотно подогнал фрагменты друг к другу. Еще два удара, и ножка отвалилась. Матрас, а вместе с ним и Мэй с рыжеволосым клиентом из Восточной марки скатились на пол.

Разбежавшись, Гвен, словно рыцарь на турнире, врезала ножкой в дверь комнаты Эйвон. Таран вылетел у нее из рук, однако оставил на дверном полотне внушительную вмятину. На косяке появилась трещина. Гвен судорожно подхватила с пола ножку кровати, и в этот момент в коридоре появился Рэйнон Гру.

– Черт подери, тупая сука! Что ты вытворяешь?!

Из последних сил Гвен снова ударила по двери, стараясь попасть в то же самое место. Ей это удалось. Косяк сломался, и дверь с треском распахнулась. Гвен влетела в дверной проем и рухнула на пол, поскользнувшись в луже крови.

– Борода великого Марибора! – выругался замерший на пороге Гру.

Стейн, сидевший без штанов верхом на Эйвон, прижимал ее к полу, стискивая пальцами шею девушки.

– Она все никак не замолкала, – пробормотал он.

Невидящие глаза Эйвон были открыты, волосы залиты кровью.

– Убирайся отсюда! – рявкнул Гру, хватая Гвен и выволакивая ее в коридор. – Иди вниз! Ты мне должна за новую дверь и сломанную кровать, черт возьми!

– Она мертва? – спросил Стейн. Тело его блестело от пота, на груди виднелись брызги крови.

Носком сапога Гру тронул голову Эйвон.

– Ага, ты ее пришиб.

– Ублюдок! – Гвен бросилась на Стейна.

– Заткнись! – рявкнул Гру, схватил ее и отшвырнул в сторону. Споткнувшись, Гвен снова упала на пол.

– Прости, Гру, – промямлил Стейн.

Тот скривился и покачал головой, рассматривая брызги крови на деревянном полу. По его позе и брезгливой гримасе на лице Гвен стало ясно, что в мертвой Эйвон он видит не красивую девушку, безвременно покинувшую этот мир, а всего лишь досадный беспорядок, устранение которого потребует дополнительных хлопот.

Гру вздохнул.

– Не нужны мне твои извинения, Стейн. Придется тебе за это заплатить. Эйвон пользовалась популярностью.

– Сколько?

Гру задумался. Он покусал зубочистку, которую редко вынимал изо рта, и почмокал губами, как делал всегда в минуты размышлений.

– Восемьдесят пять серебряных тенентов.

– Серебряных? Восемьдесят пять? Да она стоила всего шесть медяков!

– Ты ее пришиб, безмозглый сукин сын! Я потерял все, что она могла бы заработать в будущем. Да я с тебя золотом должен брать!

– Нет у меня таких денег.

– Придется раздобыть.

Стейн кивнул:

– Ладно, раздобуду.

– Прямо сегодня!

Стейн помедлил, но все же согласился:

– Хорошо, сегодня.

– Гвен, возьми ведро и приберись тут, – приказал Гру. – Ты тоже, Мэй. Рыжий, с тебя на сегодня хватит. Убирайся отсюда! И скажи по пути Уилларду, чтобы поднялся наверх. Поможет мне стащить тело.

– Ты позволишь ему уйти безнаказанным? – поднимаясь с пола, прошипела сквозь стиснутые зубы Гвен.

До сих пор она не проронила ни слезинки и сама удивлялась, как ей это удастся. Может быть, от злости? Пока она колотила в дверь, у нее вскипела кровь, и Гвен никак не могла успокоиться.

– Он оплатит ущерб, так же как и ты.

– В таком случае я еще не закончила наносить ущерб!

Гвен схватила ножку кровати и бросилась на Стейна. Она бы раскроила ему голову, но Гру схватил ее за руку, круто развернул и наотмашь ударил ладонью по щеке. Девушка снова упала. Ножка кровати отлетела в раскуроченный дверной косяк и, не нанеся никаких повреждений, откатилась в коридор.

– Иди вниз, черт бы тебя побрал! Мэй, тащи ведро! И где Уиллард? *Уиллард!*

Гвен в оцепенении сидела на полу. Ударь он ее кулаком, она бы некоторое время не могла подняться, может даже, сплевывала бы выбитые зубы. Но Гру знал, как обращаться со своими девушками, и, по возможности, не оставлял следов побоев. Щека горела, а боль, от которой свело зубы, растекалась по всему лицу. Гвен встала и помчалась вниз. Посетители пивной смотрели на нее кто с недоумением, кто с ужасом. Девушка вылетела через главную

дверь трактира «Гадкая голова» на улицу и напрямик направилась в приемную шерифа.

Порывистый ледяной ветер пробирал до костей, ночь была холодная, но Гвен, ничего не замечая, неслась по покрытым потрескавшейся грязью улицам Медфорда. Вокруг было пусто – все приличные люди давно легли спать.

Даже не удосужившись постучать, она просто толкнула дверь и ворвалась в комнату шерифа.

Итан спал в кресле, положив голову на скрещенные на столе руки. Гвен ударила ногой по ножке стола, и шериф подскочил, будто испуганная куропатка.

– Что за?!

Прекрасно!

Она хотела, чтобы он рассердился. Она хотела, чтобы он рассвирепел.

– Стейн только что убил Эйвон в «Гадкой голове»! – прокричала Гвен. Итан вздрогнул. – Этот мерзавец бил ее головой об пол, пока не раскроил ей череп. Я предупреждала Гру, что рано или поздно это случится! Я говорила ему больше не пускать Стейна, но он меня не слушал. А теперь идите туда!

– Хорошо, хорошо... – Итан снял со спинки стула португепю и на ходу принялся ее застегивать.

– Три дня назад этот негодяй поставил Джоллин синяк под глазом, – рассказывала Гвен, пока они шли по Кривой улице. Итан едва плелся, и его медлительность раздражала девушку, хотя время уже не имело значения – Эйвон не вернешь, а Стейн вряд ли поумнеет. И все же она хотела, чтобы свершилось правосудие – и поскорее. Стейн не должен был namного пережить Эйвон, он этого не заслуживал. Гвен считала, что каждый его вздох может привести к новому преступлению. – А за месяц до этого сломал руку Эбби. Только такой идиот, как Гру, мог заставить Эйвон пойти с ним. Она хорошо знала, что собой представляет этот тип, и жутко его боялась, но Стейну как раз это и нравится. Страх его возбуждает, а чем больше он возбуждается, тем больше причиняет вреда. А Эйвон – упокой Марибор ее душу, – не помнила себя от ужаса. Гру должен был знать, чем это закончится!

Дверь трактира все еще была распахнута настежь. С крыльца на исполосованную рытвинами дорогу падал длинный косо́й луч света. Может, она и эту дверь сломала? Было бы неплохо. Пьянчуг и след простыл; скорее всего, их выставили за порог. Гру и Уиллард несли вниз тело, завернутое в одеяло, и за ними по ступеням тянулся кровавый след.

– Что ты здесь делаешь, Итан? – От натуги на шее Гру вздулись жилы. Он уже не кричал, просто злился, а значит, пришел в себя.

– В смысле? За мной прибежала твоя девчонка...

– Я ее не посылал.

– Я спал, как мертвец, а она меня разбудила, вот я и пришел. Что здесь случилось?

– Ничего, – сказал Гру.

– Что-то не похоже... Кто это в одеяле? Эйвон?

– А тебе-то что?

– Я обязан следить за порядком. И чтобы никто не нарушал закона. Стейн наверху?

– Ага.

– Ну так зови его сюда.

Гру нахмурился, помедлил, затем опустил свою ношу на пол.

– Уиллард, сходи за ним, – велел он своему помощнику.

Гвен задыхалась от ненависти к Стейну и Гру, и все же не могла не чувствовать за собой

вины. Кому, как не ей, было знать, что должно произойти? Ей следовало что-нибудь предпринять, увести отсюда Эйвон – вот только она и сама не могла уйти. Но обязана была сделать хоть что-то, хотя бы попытаться. Она не сделала ничего. А теперь Эйвон мертва.

Гвен смотрела, как возле края одеяла собирается маленькая лужица, и удивлялась, что до сих пор не утратила способности держаться на ногах. Ее раздирало чувство вины. «Разве возможно стоять прямо, когда тебя выворачивает наизнанку?» – отстраненно думала она.

Стейн спустился по лестнице, на ходу застегивая штаны. На его выцветшей от солнца рубашке виднелись размазанные пальцами следы крови. Кровь была и на лице, под носом.

– Ты убил эту девушку? – спросил Итан.

Стейн не ответил, только молча кивнул и шумно засопел.

– Серьезное преступление. Ты ведь это понимаешь?

– Да, сэр.

Гвен перехватила злобный взгляд Гру. Позже она за все заплатит, но увидеть, как Стейна постигнет та же участь, что и Эйвон, стоит побоев. Хотя, конечно, это не одно и то же. Итан не станет снова и снова бить его головой об пол. Убийцу просто повесят. Однако это будет публичное действо. Перед смертью ему придется вытерпеть унижения. Хотя бы что-то.

Итан откинул с лица волосы и помассировал шею сзади. Прикусив нижнюю губу, он пристально смотрел на завернутый в одеяло труп. Наконец шериф вздохнул и обратился к Стейну:

– Придется тебе выплатить компенсацию за нанесенный ущерб.

– Что-что? – нервно спросил Стейн.

– Ты должен возместить Гру убытки. Заплатить ему за утраченное имущество.

– Мы это уже обговорили, – сказал Гру. – Он заплатит мне восемьдесят пять.

– Серебром... верно? – уточнил Итан, кивая. – Думаю, это справедливо. Еще какой-нибудь ущерб имеется?

– Сломанная дверь, зеркало и кровать, но в этом виновата она. – Гру указал на Гвен. – И мне за это заплатит.

– Она все это поломала, пытаясь вытащить вон ту? – Итан махнул рукой в сторону завернутого в одеяло тела.

– Наверное.

– Сдается мне, она бы этого не сделала, если б он не взялся колотить Эйвон, так что пускай это тоже Стейн оплачивает. Ясно?

– Да, сэр.

Шериф кивнул:

– Тогда все.

Итан шагнул назад, и Гвен увидела, что он поворачивается, намереваясь уйти.

– Как это все? – воскликнула она. – Так нельзя! Он должен заплатить.

– Заплатит. Восемьдесят пять и...

– Девушка мертва! Он убил ее и заслуживает смерти!

– Шлюха, – поправил Гру.

Гвен бросила на него гневный взгляд.

– *Шлюха* мертва, а это не то же самое. Никто не станет казнить рабочего только за то, что его слегка занесло.

– Она *мертва!*

– И пострадавшая сторона в этом деле – я. Если я говорю, что наказание справедливо,

значит, так оно и есть. Тебя это вообще не касается. Так что заткнись!

– Вы не можете этого допустить! – крикнула Гвен Итану.

– У нее есть родственники? – спросил тот.

Девушка грустно покачала головой.

– Будь у кого-нибудь из нас родственники, – сказала она, – неужели вы думаете, мы бы здесь работали?

– Ну, значит, ответственность за нее несет хозяин. Он удовлетворен, стало быть, вопрос закрыт. – Шериф снова повернулся к Гру. – Вывези тело из города до полудня, понял? Иначе главный констебль надерет мне задницу, а тогда и тебе не поздоровится. Все ясно?

Гру кивнул, и Итан ушел.

Двое мужчин снова подняли мертвое тело и понесли к входной двери. Проходя мимо Гвен, Гру сказал:

– Угадай-ка, кого ожидает взбучка, когда я вернусь?

Гру и Уиллард вышли, а Гвен осталась на месте, глядя на Мэй и Джоллин. Между ними стоял Стейн. Он гнусно улыбнулся и подмигнул ей.

– Уж я с тобой повеселюсь, – сказал он и, шагнув к ней, прибавил шепотом: – Как только скоплю еще восемьдесят пять.

– Он больше никогда тебя сюда не пустит!

– Кто? Гру? – Стейн рассмеялся. – Эйвон не первая. Была еще девка в Роу. Если я буду при деньгах, мне тебя преподнесут на блюдечке с голубой каемочкой. – Он покосился на Мэй, а затем на Джоллин. – Не переживайте, про вас я тоже не забуду!

Стейн снова ухмыльнулся, и Гвен почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Он приблизился к двери, но не вышел из трактира, а только выглянул на улицу и осмотрелся, а затем закрыл дверь и похотливо улыбнулся, уставившись на Гвен.

– Беги! – закричала Джоллин.

Бросившись к черному ходу, Гвен услышала сорвавшееся с губ Стейна проклятие. Он тяжело рухнул на пол, вероятно, поскользнувшись в луже крови Эйвон. Судя по грохоту, он опрокинул то ли стул, то ли стол, но Гвен к тому времени уже бежала сквозь тьму, придерживая юбку. Она промчалась по переулку мимо кожевенной лавки и выскочила на мостки – узкие деревянные доски, переброшенные через канаву со сточными водами, которая пролегла за домами. Не помня себя от страха, Гвен неслась, не разбирая дороги и не видя ничего перед собой. Нога соскользнула с шатких, покрытых слизью досок, и девушка упала в грязь. Руки по локоть погрузились в вонючую жижу, но хотя бы лицо удалось уберечь.

Гвен содрогнулась от ужаса, что негодяй догонит ее, сожмет горло окровавленными руками и утопит в мерзком месиве, от которого несло мочой и отходами. Она резко обернулась, но никто за ней не гнался. Поблизости вообще никого не было. Гвен осталась одна.

Девушка вытащила руки из грязи и принялась вытирать их о платье. У нее мало что получалось, и Гвен наконец заплакала от отчаяния. Сидя на краю вонючей канавы, она всхлипывала так сильно, что у нее разболелся живот. Каждый вдох душил ее запахом нечистот.

– Я не знаю, что делать! – выкрикнула Гвен. – Скажите, что мне делать! – Схватив пригоршню навоза и грязи, девушка что было сил швырнула ее в никуда, запрокинула голову и закричала, обращаясь к небесам: – Вы слышите меня? Я недостаточно сильна. Я такая же, как моя мать, я не выдержу! – Дрожа, она судорожно захватила ртом воздух. – А если и

выдержу, то он все равно меня убьет! Меня, Джоллин, Мэй и всех остальных. Я не могу... Я не могу больше ждать. Слышите? Не могу! Прошло пять лет! Я больше не могу *его* ждать.

Она тяжело дышала и ждала ответа, но не услышала ничего, кроме воя ветра.

Глава третья. Баржа на реке Бернум

Две сильные ломовые лошади тянули баржу вверх по реке Бернум. На палубе, сжавшись от холода, стоял Адриан. Подняв голову, он вглядывался в утренний туман в надежде увидеть что-нибудь родное, привычное. Фермерские уголья, зажатые меж холмов за линией берега, смутные очертания маленьких городков – все выглядело незнакомым. Чужая земля, населенная странными людьми со странными обычаями и непривычным языком. В родном краю он чувствовал себя чужаком и не был уверен, когда и что надо говорить и как себя вести. Ему казалось, что и окружающие видят в нем чужестранца, хотя от дома, где он родился и прожил первые пятнадцать лет своей жизни, его отделяли всего лишь полдня пешего пути.

Из каюты вышел тучный мужчина, ударил себя в грудь и глубоко вдохнул.

– Утречко бодрит, а? – сказал он, глядя на небо.

Может быть, он обращался к богу Марибору, но Адриан все же счел нужным ответить:

– Прохладно. Я отвык от холода.

Он выбрал это место на палубе, потому что здесь можно было укрыться от ветра. Адриан надел всю имевшуюся у него одежду: две пары мешковатых штанов, дорожный и выходной саубы, кушак, плащ и головной убор, но все равно замерз. В Колноре первым делом надо купить что-нибудь из шерсти, подумал он, что-нибудь тяжелое, что весит, как доспехи. Без лишних фунтов на теле он чувствовал себя обнаженным.

– Вы только что из Дагастана, не так ли? Там, наверное, тепло.

Адриан поплотнее закутался в сауб.

– Когда я уезжал, достаточно было тонкой льняной одежды.

– Завидую. – Мужчина тоже плотнее запахнул плащ. Осмотревшись вокруг, он разочарованно нахмурился, будто ожидал, что за ночь здесь все чудесным образом преобразится. Затем пожал плечами и присел напротив Адриана, вроде бы тоже укрываясь от ветра. – Я Себастьян из Ибера, – представился он и протянул Адриану руку.

– Адриан, – ответил тот, пожимая мужчине руку. – Вы путешествуете втроем?

Адриан заметил их прошлой ночью. Себастьян и двое его спутников были одеты в одинаковые роскошные плащи. Когда Адриан наконец добежал до баржи, выяснилось, что ему незачем было так торопиться: отплытие задержали из-за многочисленных сундуков этой троицы. Троица же только покрикивала на портовых рабочих и сыпала на их головы проклятия, будто в сундуках были какие сокровища, могущие разбиться от неловкого обращения.

Мужчина кивнул:

– С Сэмюэлем и Юджином. Мы занимаемся одним делом.

– Купцы?

Себастьян улыбнулся.

– Вроде того. – Он перевел взгляд на мечи, висевшие по бокам у Адриана. – А вы кто будете? Солдат?

Адриан тоже улыбнулся.

– Вроде того.

– Хороший ответ, – усмехнувшись, сказал Себастьян. – Но если серьезно, вам нет нужды носить при себе оружие. Кроме вас, тут никто не вооружен, так что не знаю, зачем вы... Ах,

ну да... Понятно!

Адриан рассматривал Себастьяна. По опыту он знал, что люди делятся на два типа: те, кому можно доверять, и *другие*. За последние пять лет Адриан привык полагаться на мужчин, облаченных в металл, украшенных шрамами и свистевших сквозь дыры от выбитых зубов. Себастьян был одет в плотный плащ – роскошный и дорогой – и на каждой руке носил по золотому кольцу. С этим типом людей Адриан тоже успел свести знакомство. Что бы сейчас ни сказал Себастьян в продолжение своей мысли, Адриан был уверен, что ему это не понравится.

– *Что* вам понятно?

– Вы слышали про убийства? – понизив голос до шепота, спросил Себастьян. – Когда мы отплывали, весь город был наводнен стражниками, и они всем задавали вопросы.

– Вы говорите об убийствах в Вернесе?

– Да, именно. Три убийства за три ночи.

– И вы подозреваете меня? – поинтересовался Адриан.

Себастьян усмехнулся.

– Разумеется, нет! Вы же только что сошли с «Восточной звезды», которая прибыла из Калиса. Вас выдает одежда. Логичнее было бы подозревать меня. По крайней мере, у меня имелась такая возможность. Вас-то даже в городе не было.

– То есть мне следует подозревать вас?

– Вовсе нет! Мои товарищи могут поручиться за меня, а рулевой скажет вам, что мы оплатили проезд авансом несколько недель назад. Кроме того, разве я похож на ассассина?

Адриан никогда не встречал ассассина, но ему казалось, что Себастьян не очень подходит на эту роль. Круглый и мягкий, с пухлыми пальцами и заразной улыбкой, он, скорее, больше походил на того, кто заказывает убийства посредством письма без подписи.

– Я скажу вам, кто похож. – Себастьян выразительно взглянул на нос баржи, где стоял человек в плаще с поднятым капюшоном. Он стоял к ним спиной и вместо того, чтобы выйти погреться на солнце, предпочитал скрываться в тени, отбрасываемой ящиками. – Вот *он* похож на ассассина.

– Почему вы так думаете? Плащ с капюшоном?

– Нет, дело в его глазах. Вы видели его глаза? Холодные, уверяю вас. Мертвые. Глаза человека, который привык не только видеть смерть, но и раздавать ее.

– И все это вы можете понять по глазам человека? – с усмешкой спросил Адриан.

– Разумеется! У человека, привыкшего убивать, взгляд волка – бездушный и жадный до крови, – Себастьян наклонился вперед, но не сводил глаз с человека на носу. – Когда узнаешь правду о некоторых вещах, теряешь невинность. Таким же образом, когда убиваешь, теряешь душу. Каждое убийство забирает по кусочку человечности, пока наконец убийца не превращается в зверя. Дух терзает голод, жажда вернуть утраченное, но, как и в случае с невинностью, назад пути нет – душу нельзя возродить. Из нее навсегда уходят радость, любовь и покой, и на их месте воцаряется жажда крови и смерти.

Себастьян говорил серьезным тоном человека, знающего толк в таких вещах. Его уверенная и легкая манера держать себя свидетельствовала о житейской мудрости, накопленной вместе с опытом. Но если рассуждения Себастьяна хоть отчасти справедливы, то, заглянув в глаза Адриану, пухлый купец из Вернеса никак не должен был по доброй воле сидеть рядом с ним.

– Я скажу вам кое-что еще, – продолжал Себастьян. – Он поднялся на борт в последний

момент, и при нем не было ни сумки, ни чемодана.

– И откуда вам это известно?

– Я был на палубе, когда он оплачивал проезд. Почему он явился так поздно и без багажа? Люди ведь не отправляются в долгое путешествие, как на дневную прогулку на лодочке, не так ли? Кому придет в голову просто так запрыгнуть на баржу, идущую далеко на север? Может, он оторвался от погони и решил, что на барже удобнее всего бежать.

– Я тоже поздно прибыл, – возразил Адриан.

– Но у вас хотя бы есть сумка.

– Вот ты где, Себастьян! – Из каюты вышли двое его товарищей.

Один из них, Сэмюэль, выглядел старше Себастьяна. Высокий и страшно худой, он напоминал длинную раскатанную полоску теста. Плащ болтался на его тощем теле, а рукава были настолько длинными, что почти полностью закрывали кисти рук, оставляя на виду только самые кончики пальцев. Второго звали Юджин. Он был намного моложе, по возрасту ближе к Адриану, и его фигура, судя по всему, до сих пор не определилась, хочет ли она походить на Сэмюэля или же сделаться круглой и пухлой, как у Себастьяна. Он тоже был одет в изысканный плащ цвета красного вина, перехваченный на плече красивой золотой пряжкой.

Оба выглядели измученными, словно всю ночь тяжело трудились, а не только что встали с постели. Сэмюэль заметил человека в капюшоне на носу баржи и толкнул локтем Юджина.

– Он что, вообще никогда не спит?

– Всему виной нечистая совесть, – ответил Юджин.

– У такого человека вообще нет совести, – решительно заявил Себастьян, если можно о чем-либо решительно заявить шепотом.

В синем небе над баржей с гогом пролетел неровный клин гусей. Все подняли головы и проследили за их полетом, а затем плотнее запахнули плащи, словно гуси предупреждали о скором приближении зимы. Юджин и Сэмюэль разместились рядом с Себастьяном, и все трое прижались друг к другу в поисках тепла.

Себастьян кивнул на собеседника.

– Это Адриан... э... Адриан... – он щелкнул пальцами в поисках помощи.

– Блэкуотер. – Адриан пожал протянутые ему руки.

– И откуда же вы родом, Адриан? – спросил Юджин.

– В общем-то из ниоткуда.

– Человек без дома? – Сэмюэль говорил гнусавым голосом, в котором сквозила подозрительность. Адриан подумал, что такой человек, наверное, станет пересчитывать даже те деньги, которые ему вручил священник.

– О чем ты? – удивился Юджин. – Он же из Калиса. Прибыл на корабле. Мы же вчера ночью это обсуждали.

– Не говори глупостей, Юджин, – поморщился Себастьян. – Разве у калианцев бывают светлые волосы и голубые глаза? Калианцы – темнокожие верзилы, а какие хитрые! Никогда им не доверяйте.

– И чем же вы занимались в Калисе? – Тон Юджина сделался подозрительным и злобным, как будто это Адриан обвинил его в глупости.

– Работал.

– Полагаю, старался сколотить состояние, – сказал Себастьян, указывая на Адриана. –

Кошелек у него весьма внушительный. Тебе бы, Юджин, не мешало стать хоть вполовину таким успешным, как он.

– Да у него там небось одни калианские медяки. – В голосе Юджина по-прежнему слышалось некое ожесточение. – А иначе он бы носил дорогой шерстяной плащ вроде наших.

– Он носит меч из хорошей стали, даже два. Так что тебе следует поаккуратнее выбирать выражения, – заметил Себастьян.

– Три, – поправил его Сэмюэль. – Еще один меч остался в каюте. Самый большой.

– Вот так-то, Юджин. Человек тратит все деньги на сталь, но тебя это, похоже, не заботит. Что ж, продолжай оскорблять его. Уверен, мы с Сэмюэлем и без тебя отлично управимся.

Юджин сложил руки на груди и стал рассматривать проплывающие мимо холмы.

– Чем вы занимаетесь? – спросил Сэмюэль, поглядывая на кошелек Адриана.

– Я был солдатом.

– Солдатом? Никогда не слышал о богатых солдатах. В чьем войске?

Адриан чуть было не ответил: «Во всех», – но сдержался. Хотя сначала ему это показалось забавным, мгновение спустя разговор о реальном положении дел начал угнетать его, и ему совершенно не хотелось объяснять свое прошлое, от которого он бежал на другой край океана.

– Я много переезжал с места на место, – туманно ответил он.

Простой шаг в сторону, легкий маневр. В сражении подобная тактика ничего не решала, но при довольно частом применении она могла дать неплохой результат: утомить или разозлить противника и заставить его сдаться. Сэмюэль был упрям и, похоже, сдаваться не собирался, однако в этот момент дверь из каютного отделения снова открылась и на палубу вышла женщина.

Ее звали Вивиан, и прошлой ночью Адриан не мог не заметить, как бережно, с каким вниманием относились к ней купцы. Вот и сейчас, стоило ей только подняться на палубу, как все трое мгновенно вскочили на ноги. В отличие от остальных, Вивиан не куталась в шерстяные плащи или накидки. На ней было простое серое платье, которое могла бы носить супруга преуспевающего ремесленника. Впрочем, ее наряд не имел значения. Адриан подумал, что она и в мешковине выглядела бы потрясающе. На его взгляд, Вивиан была красавицей, а ему было с чем сравнивать, ведь он только что вернулся из Калиса, коренные жительницы которого – особенно из племени тенкинов – считались, наверное, самыми красивыми женщинами в мире. Вивиан ничем на них не походила. Именно это, как ему казалось, и поразило его воображение. Хрупкая, белокурая и светлокожая, стоя в окружении мужчин, она напоминала фарфоровую статуэтку. Это была первая западная женщина, с которой Адриану довелось общаться за последние два года.

Сэмюэль помог Вивиан устроиться между собой и Себастьяном, из-за чего Юджину пришлось пересесть к Адриану.

– Вы хорошо спали? – спросил Юджин, наклоняясь к ней куда ближе, чем позволяли приличия.

– Отнюдь. Меня мучили кошмары, ужасные кошмары! Всеми виной события прошлой ночи.

– Кошмары? – нахмурился Себастьян. – Милая дама, вам больше не о чем беспокоиться. Вернес и все эти омерзительные преступления остались далеко позади. Кроме того, всем известно, что этот негодяй убивал только мужчин.

– Признаться, меня это мало успокаивает, сэ, к тому же *тот* человек, – она указала на одинокий силуэт на носу корабля, – очень меня пугает.

– Здесь вам нечего бояться, дорогая леди. Только безумец отважился бы совершить какое-либо злодеяние на столь маленькой лодке, – сказал Сэмюэль. – Для преступлений тут слишком мало места, недостает уединенности, и некуда отступить после завершения дела.

– «После завершения дела» – как остроумно, Сэмюэль, – проворчала Вивиан, но купец, похоже, не оценил собственного каламбура.

– И посмотрите на этого человека. – Себастьян указал на Адриана. – С нами на борту молодой солдат. Он только что вернулся из дебрей Дагастана. Вы ведь защитите даму от любого покушения, не так ли?

– Конечно, – искренне ответил Адриан, хотя и тешил себя надеждой, что до этого не дойдет.

Он уже начинал жалеть, что выставил напоказ свои мечи. В Калисе они были столь же обычным зрелищем, как его льняной сауб и куфия. По правде говоря, человек, не имеющий при себе хотя бы одного меча, выглядел бы по меньшей мере странно. Адриан забыл, что в Аврине это редкость, но теперь ему было бы неловко оставлять оружие в каюте. Кроме того, за пять лет он так привык к весу мечей на своем теле, что они стали такой же его частью, как собственные пальцы, а их отсутствие досаждало ему, словно выпавший зуб. Хотя он и полагал, что умозаключения Себастьяна, которыми тот поделился ранее, основаны скорее на услышанных от кого-то историях, нежели на личном опыте, Адриан знал, что в одном купец прав: за убийство всегда приходится расплачиваться.

– Ну вот видите, – сказал Себастьян женщине и хлопнул в ладоши, как будто только что проделал волшебный фокус. – Вы в безопасности!

Вивиан слабо улыбнулась, но ее взгляд снова устремился в сторону носа баржи и человека в капюшоне.

– Может быть, кому-то из нас стоило бы поговорить с ним? – предложил Юджин. – Если мы узнаем его историю, то, возможно, поймем, что бояться нечего.

– Наш юный подмастерье говорит дело! – воскликнул Себастьян. Прозвучавшее в его голосе удивление заставило молодого человека сердито нахмуриться. – Неприятно находиться рядом с тигром, когда не знаешь, голоден ли он. Пойди поговори с ним, Юджин.

– Нет уж, благодарю! Хватит и того, что я выдвинул эту идею.

– Ну, я-то точно не могу, – заявил Себастьян. – Слишком уж я разговорчив. От этого у меня нередко возникают неприятности. Мы ведь не хотим дополнительно спровоцировать этого человека. Может, ты сходишь, Сэмюэль?

– С ума сошел? Нельзя посылать ягненка расспрашивать тигра. Пускай идет солдат. Ему нечего бояться. Даже убийца дважды подумает, прежде чем бросить вызов человеку с двумя мечами.

Все посмотрели на Адриана.

– И что вы хотите узнать? – спросил тот.

– Ну, скажем, его имя, – предложил Себастьян. – Откуда он. Чем занимается...

– Не убийца ли он! – выпалила Вивиан.

– Не убежден, что следует начинать с подобного вопроса, – покачал головой Сэмюэль.

– Но разве не это мы все желаем знать?

– Да, но кто же в таком признается? Не лучше ли просто побольше разузнать о нем, чтобы из сложившейся картины сделать определенные выводы и докопаться до правды.

– Но прямой вопрос станет ему предупреждением о том, что мы его раскусили, что мы начеку. Может, это напугает его и заставит отказаться от своих коварных планов.

– Давайте я лучше буду действовать по обстоятельствам, – вздохнул Адриан, вставая.

Лошади, медленно ступая по бечевнику, плавно тянули баржу вверх по реке. Качки не было, но Адриан все же внимательно смотрел под ноги, пока поднимался по лесенке на переднюю палубу и обходил покрытые брезентом и крепко связанные рыболовными сетями ящики. Отсюда он видел всю ширину реки Бернум. В лицо ударил холодный ветер, пахло запахом сосен. «Одежда из шерсти, – снова пообещал себе Адриан. – Плотная рубаша и тяжелый плащ».

– Прошу прощения, – сказал он, подходя к человеку на носу баржи. Тот слегка повернул голову, но капюшон по-прежнему скрывал его лицо, не видно было даже носа. После разговора с Себастьяном Адриану стало любопытно взглянуть загадочному незнакомцу в глаза. – Меня зовут Адриан Блэкуотер.

– Поздравляю, – последовал ответ, такой же ледяной, как принесший его ветер.

– Э... а как ваше имя?

Человек отвернулся.

– Оставь меня в покое.

– Я просто хотел выказать вам свое расположение. Нам предстоит несколько дней провести вместе на этой барже. Почему бы и не познакомиться...

Ни звука в ответ. Будто разговариваешь со стеной.

Стены обычно надежно защищают всякую крепость. Чтобы проникнуть внутрь, нужно осадить крепость, сделать подкоп либо подослать лазутчика, который откроет ворота. Однако всегда остается еще одна возможность – самоубийственная лобовая атака. Может, Вивиан дело говорила...

– Я просто подумал, что вам неплохо было бы знать: на борту может находиться убийца.

Голова снова повернулась в его сторону, на сей раз чуть больше, и Адриан сумел разглядеть один глаз. Ничего необычного он не заметил: глаз не светился, вертикального зрачка тоже не наблюдалось, но Себастьян, возможно, был прав. В пронзительном взгляде, который Адриану нередко доводилось видеть раньше, он распознал угрозу, за которой обычно следовал звон клинков.

– И не один, я в этом уверен, – сказал человек в капюшоне. – А теперь уйди.

Ворота оказались накрепко заперты. Адриан отступил и вернулся к своим попутчикам.

Первой заговорила Вивиан:

– Ну что?

Адриан передернул плечами.

– Не слишком разговорчивый человек. Слова из него не вытянешь.

– А глаза его вы видели? У него глаза волка, правда? – спросил Себастьян.

– Ну, тип он, конечно, неприятный, это точно. А что до глаз... Я бы не считал это убедительным доказательством.

– Он убийца! – торжественно изрек Себастьян. – Я так и знал!

– По крайней мере, теперь мы в этом убедились, – согласился Сэмюэль, пытаясь закатать рукава так, чтобы они не сползали. – И мы можем кое-что предпринять, чтобы обезопасить себя.

– Ни в чем мы не убедились, – возразил Адриан. – То, что он избегает общества и не желает разговаривать, еще не делает его убийцей.

– А я, пожалуй, соглашусь с Сэмюэлем, – проговорила Вивиан. – Мы должны действовать. Что мы можем предпринять?

Она прижалась к Себастьяну, словно от него исходило тепло, как от костра на привале. Скрестив руки на груди, она сунула ладони под мышки, чтобы согреть их.

– Ну, в любом случае не стоит оставаться с ним наедине, – посоветовал Адриан. – На дверях кают крепкие замки. Запирайтесь, когда вы у себя.

– Почему бы нам просто не запереть весь спальный отсек? – спросил Юджин.

– Сдается мне, ему не очень понравится, если он лишится возможности пройти к своей койке, особенно учитывая, что он заплатил за нее, как и все мы, – возразил Адриан.

– Но мы-то не убийцы! – воскликнул Юджин.

– Про него можно сказать то же самое.

– Мы могли бы связать его, – предложил Себастьян.

– Вы что, шутите? – Адриан не поверил своим ушам.

– Превосходная идея! – согласился Сэмюэль. – Вместе мы сумеем его одолеть. Ростом он невысок. Мы могли бы повалить его, связать по рукам и ногам и запереть в трюме до конца рейса. А в Колноре сдадим его городской страже. Они отвезут его вниз по реке обратно в Вернес и передадут тамошним властям. Может, нас даже вознаградят за поимку убийцы.

– Вы не можете так поступить, – нахмурился Адриан. – Мы не знаем, он ли совершил все те преступления.

– Но вы же видели его глаза! Неужели вы всерьез полагаете, что этот человек невиновен? Да пусть даже не он убил тех людей в Вернесе, наверняка за ним числится какое-то... какое-то страшное злодеяние.

Адриан раньше уже поступал, как велели люди вроде Себастьяна, и всегда потом себя за это ненавидел. Когда никто не говорит правду, человеку свойственно верить в то, во что он захочет.

– А как бы вы себя чувствовали, если бы с вами так поступили? – спросил Адриан Себастьяна.

– Не говорите глупостей! Я не такой, как он. Я приличный человек.

– Неужели? Откуда мне это знать?

– Потому что я вам это говорю.

– А если бы он сказал то же самое?

– А он сказал?

– Я не спрашивал.

Обращаясь скорее ко всем остальным, нежели к Адриану, Себастьян изрек с самодовольным видом:

– И не нужно было. Достаточно на него посмотреть, и все становится ясно. У него руки в крови. Это страшный человек, говорю вам.

Адриан переводил взгляд с одного лица на другое и на каждом видел необъяснимую убежденность в собственной правоте. Поведение этих людей лишено было всякой логики, и Адриан терялся в догадках, что бы это значило, пока ему в голову не пришла мысль о том, что ими движет исключительно страх. Только страх стирал грань между здравомыслием и безумием, а иногда даже выдавал одно за другое. Но когда стадо обращается в паническое бегство, на пути у него встает только глупец.

Теперь уже сожалея, что Пиклз не смог его сопровождать, Адриан поднялся.

– Куда вы? – спросила Вивиан.

– Я не могу с вами согласиться. Так что прошу вас ни во что меня не втягивать. – Сделав пару шагов, он повернулся. – И вот еще что: если вы попытаетесь связать его, бросить за борт или что-то в этом духе, будьте уверены, я помогу ему, а не вам.

Наступила тишина. Слышался только скрип деревянной баржи. Лица попутчиков изумленно вытянулись. Адриан отошел на корму, надеясь скрыться от их взоров за возвышением кают. До него донеслись слова Себастьяна:

– Он молод и наивен.

Да, Адриан был молод. Этого он не мог отрицать, но каждый год, проведенный в Калисе, сошел бы за несколько лет обычной жизни. Он многое познал и слишком рьяно брал у жизни уроки, страстно желая навсегда избавиться от отцовской кузницы с его щипцами и молотом.

Он взобрался на корму и прислонился к борту, глядя на восток. В низинах в большинстве мест трава все еще оставалась зеленой, но на склонах холмов листья уже меняли цвет. Где-то вдалеке, упрятанная в холмах, скрывалась крошечная поместная деревушка, которую Адриан не видел пять лет и в которой вряд ли что изменилось. В таких местах, как Хинтиндар, где люди из поколения в поколение жили и умирали в изоляции от остального мира, перемены происходили крайне медленно. Некоторые жители были прикреплены к земле и не могли покинуть ее, другие – как его отец – не желали этого. Вдоль дороги между каменным мостом и поместьем его светлости – дороги, которая возникала из ниоткуда и уходила в никуда – располагалось всего несколько хижин. Адриан сбежал из деревни, когда ему едва исполнилось пятнадцать, и сейчас был совсем близко от дома, ближе, чем когда-либо за прошедшие пять лет... Впрочем, еще ближе он подходить и не собирался.

Представив себе деревню, он вдруг подумал, что кое-какие перемены там все же произошли. Должно было появиться надгробие на холме между двумя южными полями. Скорее всего, просто врытый в землю столбик, а может, и плита с гравировкой. На ней выжжено имя, но нет дат. Деревенские жители не знали календаря.

– Хороший будет денек, а? – сказал рулевой. Одну руку он держал на руле, а ноги закинул на борт.

Адриан кивнул и обнаружил, что уже не дрожит от холода. Сквозь редяющий туман пробивался дневной свет. Солнечные лучи проникали сквозь кроны деревьев, разбрасывая блики по воде за кормой. Бернум была глубокой, широкой рекой, особенно вблизи моря. Она выглядела спокойной, лениво виляя меж приземистых холмов, похожих на растопыренные пальцы. Но внешнее спокойствие было иллюзией, за которой скрывалось свирепое подводное течение, ежегодно уносившее немало мужчин, женщин и скота. Весной низины затапливало, поэтому по берегам не было ферм. Баржа то и дело проплывала мимо голого фундамента дома или разрушенного сарая: река Бернум не терпела стеснения, по крайней мере надолго. Отец Адриана говорил о реке так, словно это было живое существо, злая женщина, заманивающая мужчин охладиться в ее водах. Она позволяла им доплыть до середины, а затем утаскивала на дно. А еще он говорил, что если на реке когда-нибудь задумают возводить плотины – а это, утверждал он, невозможно, – то найдут в ней тысячи скелетов. Река никогда не возвращала своих мертвецов.

Адриан не верил в эти сказки. Даже будучи ребенком, он никогда не принимал на веру то, чего нельзя было увидеть своими глазами. Отец же рассказал ему немало подобных историй.

– А вы молчун, не так ли? – дружелюбно заметил рулевой. Он казался очень земным, словно свежевспаханное угодья. Обветренное лицо с глубокими морщинами свидетельствовало о жизни, проведенной на воде, а руки походили на куски плавучего дерева. – Прошлой ночью я вас почти не видел. Почти как того, другого – на носу. Кстати, меня зовут Фарлан.

– Мое имя Адриан.

– Знаю. Я всегда стараюсь заранее что-то узнать о своих пассажирах. По крайней мере, их имена. Вообще-то не хочется выглядеть слишком назойливым, как некоторые лодочники. Это у нас, знаете ли, издержки ремесла. Когда катаешься вверх-вниз по реке и видишь одни и те же берега, приятно пообщаться с людьми, ну хотя бы во время рейса. Рад с вами познакомиться, сэр. Надеюсь, вам у нас понравится. Я, конечно, не капитан корабля, но стараюсь, чтобы пассажиры были довольны обслуживанием.

Адриан махнул рукой в сторону носа баржи:

– А его как зовут?

– Ох, *его*... Он не представился, а я и не настаивал. Такого человека лучше оставить в покое и надеяться, что он окажет тебе взаимную любезность. Лучше не раздражать, понимаете?

– И что же он за человек?

– И так ясно, правда, сэр?

– Думаете, он убийца?

– Ну, я не знаю... но его присутствие вызывает у меня тревогу.

– Если у вас возникли подозрения, почему вы не донесли на него городской страже?

– Надо было, конечно... Да я бы так и сделал, если бы не дергался из-за задержки. Погрузка всех этих ящиков заняла столько времени, что мы не смогли отплыть по расписанию, а я не люблю заставлять коноводов и их помощников ждать. Патрульные приходили, обыскивали баржу, но этого человека тогда не было в числе пассажиров. Он поднялся на борт в последнюю минуту, когда мы уже отчаливали. Я торопился и просто не обратил на него внимания. А когда мы уже пошли по реке, понял, что свалял дурака. Надо было уговорить коновода подождать, придумать какой-нибудь предлог, например, что я забыл запастись маслом для ламп или что-то подобное. А теперь придется ждать до Колноры.

– И что потом?

– Расскажу шерифу об убийствах и поделюсь своими подозрениями насчет этого типа. Шериф Малет – хороший мальчик... смекалистый. Он проведет расследование и докопается до истины. На вашем месте я бы не рассчитывал по прибытии в Колнору сразу отправиться в дорогу. Наверняка шериф захочет допросить всех пассажиров.

– Ну, я не тороплюсь. Надеюсь только, что ему с этим парнем повезет больше, чем мне. – Адриан бросил еще один взгляд в сторону носа баржи и стоявшего там в одиночестве человека.

* * *

Пассажиры собрались на палубе, чтобы пообедать. Как и предрекал Фарлан, день выдался чудесный, жаркое полуденное солнце выжгло туман и холод. Баржа сделала остановку у почтовой станции. Фарлан пришвартовал ее, обвязав канат вокруг тумбы,

коновод распряг лошадей. Мальчик вывел новую пару лошадей и начал их впрягать.

Фарлан подал обед. Горячей еды не было, однако холодная курица, вчерашний хлеб и свежие яблоки показались Адриану куда вкуснее солонины и галет, к которым он успел привыкнуть за время плавания на «Восточной звезде». Условия на барже были не самые лучшие, но это был довольно быстрый способ передвижения, поскольку она шла днем и ночью. Пассажиров воспринимали почти как груз. За каждую милю брали медяк, что могло показаться чрезмерно высокой платой человеку, привыкшему ходить пешком, но для того, кто обычно ездил в карете, это было очень дешево. Пиклз сделал правильный выбор: по сравнению с подпрыгивающим и трясущимся экипажем ехать на барже было даже приятно.

– Так чем же вы занимаетесь, Себастьян? – спросил Адриан, подсаживаясь к знакомой компании с деревянной тарелкой в руках. По правде говоря, ему это было совсем неинтересно, но он не хотел возвращаться к обсуждению планов своих попутчиков относительно человека в капюшоне.

– Вы хорошо знаете Вернес, Адриан?

– Я? Нет. Да я, в общем-то, с корабля сразу попал на баржу. А что? Вы тамошняя знаменитость?

– В некотором роде. Я владелец самой богатой ювелирной лавки во всем Вернесе.

– Лавка Себастьяна – старейшая в городе, – подтвердила Вивиан, сидевшая там же, где и раньше, но теперь у нее на коленях покачивалась тарелка. Еды она взяла очень мало. Такую порцию мать могла бы дать маленькому ребенку.

* * *

– Вы все ювелиры? – спросил Адриан.

– Сэмюэль – мой двоюродный брат, а Юджин – сын моей сестры. Я обучил их ювелирному делу и одолжил Сэмюэлю денег на открытие собственной лавки. – Себастьян коварно улыбнулся. – Если покупателей не устраивают мои цены или хотя бы покрой моего платья, они в гневе покидают лавку, заявляя, что я упустил выгодную продажу. Из вредности идут дальше по улице и платят больше за тот же товар в лавке Сэмюэля. Думают, что таким образом отомстили мне, но я совладелец обеих лавок, так что они, так или иначе, платят мне.

– А Юджин? – спросил Адриан.

– Вот как раз из-за него мы и едем в Колнору, – кивнул Сэмюэль и пояснил: – Открывать ему лавку.

– Пора мальчику расправить крылья, – прибавил Себастьян.

– Никакой я не мальчик, – недовольно буркнул Юджин.

– Пока не вернешь долг, будешь тем, кем я тебя назову.

Юджин скривился, хотел было ответить, но, передумав, просто отправил в рот кусок курицы.

– А вы, милая леди? – Адриан повернулся к Вивиан, которая деликатно надкусывала отрезанный кусочек яблока. – Что вас сюда привело?

Улыбка сползла с лица женщины, и она уставилась в тарелку с едой.

– Я сказал что-то не то? – смутился Адриан.

Вивиан молча покачала головой. Себастьян положил руку ей на плечо и мягко похлопал.

– Прошу извинить меня. – Она встала и отошла на нос баржи. Сейчас там было пусто – человек в капюшоне разминал ноги, прогуливаясь по бечевнику.

– Я не хотел сказать ничего дурного, – заверил Адриан остальных, чувствуя себя ужасно.

– Это не ваша вина, – поддержал его Себастьян. – Подозреваю, с дамой случилось что-то страшное.

– Что вы имеете в виду?

– Сами посудите: женщины редко отправляются в путь без сопровождения. К тому же вы видели, она почти ничего не ест. Ее явно что-то гнетет.

– Может, она всегда столько ест, а в Колнору едет, чтобы с кем-то встретиться.

– Возможно, но мне кажется, ее терзает страх. Кстати сказать, нас всех изрядно напугали слухи об этих убийствах в Вернесе.

Вивиан, отставив тарелку, сидела на одном из ящиков, созерцая реку. Она подняла руку и отерла слезы.

Адриан вздохнул. С женщинами он всегда чувствовал себя несколько неловко и нередко говорил невпопад. Он хотел бы подойти к ней и успокоить, но был уверен, что сделает только хуже. Адриан не думал, что может почувствовать себя еще более одиноким, чем обычно. Впрочем, в последнее время он часто заблуждался.

После обеда они снова двинулись в путь. Фарлан ушел вниз, чтобы немного поспать, и на смену ему пришел второй рулевой. Его имени Адриан не расслышал. Он был моложе и, несмотря на бороду и насупленные брови, выглядел ребенком по сравнению с Фарланом. Не проронив ни слова, новый рулевой занял свой пост. Ему явно недоставало искренности и доброжелательности старшего товарища.

Как только они отплыли, Вивиан скрылась у себя в каюте. Возможно, она боялась, что человек в капюшоне снова займет место на носу. Однако передняя палуба баржи по-прежнему пустовала.

Адриан провел день, наблюдая за проплывающим мимо пейзажем и затачивая короткий меч. Уход за оружием вошел у него в привычку так же, как у некоторых входило в привычку грызть ногти. Это помогало ему подумать, расслабиться, разобраться с трудностями. Сейчас ему нужно было и то, и другое, и третье.

Вивиан вернулась вскоре после заката. На сей раз она не села, как обычно, рядом с купцами. Увидев, что на носу по-прежнему пусто, она устроилась там в свете покачивающегося фонаря. На небе высыпали звезды. Теперь, когда солнце зашло, вернулся осенний холодок. Заметив, что женщина дрожит, Адриан поднялся на переднюю палубу.

– Возьмите, – сказал он, снимая плащ и закутывая ее плечи. – Он легкий, но хоть немного согреет.

– Благодарю вас.

– Надо было раньше вам его предложить. Я вел себя как дурак. Хотел бы попросить у вас прощения.

Вивиан подняла на него удивленный взгляд.

– За то, что раньше не дали мне плащ?

– За то, что расстроил вас своими вопросами...

Казалось, она не совсем поняла, о чем он говорит, но потом догадалась.

– Неужели это беспокоило вас все это время? – Она мягко коснулась его руки. – Присаживайтесь.

– Вы уверены? Я вел себя не очень-то вежливо.

– Не знай я, что вы солдат, то приняла бы вас за джентльмена – за замаскированного рыцаря.

Адриан усмехнулся.

– Все хотят сделать из меня рыцаря.

– Прошу прощения?

– Да нет, ничего. Я не рыцарь. И не привык к изысканному обществу.

– Значит, меня вы относите именно к такому обществу?

– По сравнению с людьми, к которым я привык? Да.

Вивиан на мгновение опустила глаза.

– Мне далеко до изысканности и утонченности, – тихо сказала она. – Я родилась в бедной семье. Мое положение изменилось только благодаря замужеству, но теперь...

Она замолчала, глядя на палубу.

– Что случилось? – спросил Адриан.

– Я здесь... одна... потому что мой муж мертв. Его убили два дня назад, он один из тех жертв в Вернесе. Я боялась за свою жизнь и... и... бежала. А теперь думаю, что совершила ужасную ошибку.

– Зачем кому-то понадобилось убивать вашего мужа? А тем более зачем убивать вас?

– Дэниэл был весьма состоятельным человеком, а у богатых людей много врагов. Наш дом перевернули вверх дном. Даже гобелены со стен сорвали. Я ужасно испугалась и бежала в том, что на мне было, даже плаща не взяла. За место на барже я расплатилась обручальным кольцом, но, боюсь, мои беды последовали за мной. Мне кажется, убийца не нашел того, чего искал, и последовал за мной сюда, чтобы забрать это.

– И что же ему нужно?

– Не знаю. Да разве это имеет значение? Все равно у меня этого нет, но он мне не поверит – он и спрашивать не станет. Просто убьет меня, как убил моего мужа, а затем обыщет каюту.

Вивиан слегка повернула голову, и Адриан заметил, что она смотрит куда-то через его плечо. Обернувшись, он увидел, что человек в капюшоне вернулся на палубу и стоит у поручней на корме. Адриан гордился тем, что никогда не судит людей по внешнему виду, но сейчас не мог отрицать: от этого человека прямо-таки исходила волна враждебности. У Адриана уже стали вызывать беспокойство его молчание и темный капюшон, который тот ни разу не снял с тех пор, как они отплыли. Это был мрачный и нелюдимый тип.

Если бы Адриан был суеверным, то счел бы его злым духом, призраком или каким-нибудь темным колдуном. Он был уверен, что именно суеверие рождает всякие жуткие небылицы. Когда пассажиры сойдут на берег в Колноре, они расскажут о таинственном безликом незнакомце, и в каждом новом изложении история начнет обрастать немыслимыми подробностями. Пройдет совсем немного времени, и народ станет собираться вокруг очагов, чтобы послушать рассказы о том, как сама Смерть путешествует по реке Бернум в черном плаще с капюшоном.

– Даже не представляю, что мне делать, когда мы прибудем в Колнору, – сказала Вивиан.

– У вас там есть родня? Или какие-нибудь знакомые, кто мог бы вам помочь?

Она покачала головой, и Адриан заметил, что у нее дрожат губы.

– В общем-то это не ваши проблемы, – печально вымолвила она. – Как-нибудь выживу...

– Послушайте, по прибытии в Колнору Фарлан намерен доложить обо всем шерифу. Начнется расследование. Если человек в капюшоне виновен, его будут судить и вынесут ему

соответствующий приговор. Тогда вы сможете вернуться домой в Вернес. Вряд ли воры забрали все, что у вас было. Ваш дом все еще на месте, вы могли бы сдавать комнаты внаем или что-нибудь подобное.

Вивиан снова посмотрела на человека в капюшоне и прошептала:

– А если я вообще не доберусь до Колноры? Вдруг он убьет меня прямо здесь, на барже?

– Я этого не допущу.

– Как бы мне хотелось в это поверить! Но вы не сможете его остановить. Он проберется ко мне в каюту, и утром я уже буду мертва, и никому не будет до этого дела.

– Знаете, просто закройте дверь и загородите ее всем, что найдете в каюте. Он не сможет проникнуть к вам, не наделав шума. Я услышу и тотчас же приду на помощь.

Она вытерла глаза.

– Так я и сделаю, спасибо. Остается только надеяться, что этого будет достаточно.

Глава четвертая. «Гадкая голова»

После побоев даже пустые ведра на коромысле казались Гвен неподъемными и причиняли боль спине и плечам. Гру не простил ей вмешательства Итана. Однако следов он не оставил; порченный товар всегда продавался со скидкой.

Дойдя до общественного колодца на Кривой улице, Гвен сняла ведра, присела на край колодца и огляделась по сторонам. Время было еще раннее, солнце едва проглядывало между покатой крышей трактира и покосившейся крышей дома напротив. Эйвон рассказывала, что там когда-то находился постоянный двор, но это было давным-давно. Гвен почти могла себе это представить. Теперь дом пустовал, там никто не жил, кроме крыс и охотившихся на них псов. Состояние постоянного двора отражало состояние всего Нижнего квартала, в особенности Кривой улицы – тупик во всех смыслах слова.

Сколько Гвен себя помнила, мать бесконечно рассказывала ей о Медфорде, который однажды станет для них домом. Гвен представляла себе красивое место, полное каменных зданий и роскошных карет. Она мечтала, что они поселятся в одном из красивых домов с фонтаном, откуда можно будет брать воду, и поющими торговцами, как в Калисе. Даже сейчас, сидя на каменном краю колодца, Гвен не переставала удивляться тому, сколь разительно отличались ее детские мечты от действительности.

«Представляла ли мама на самом деле, куда мы направляемся?» – в который уже раз задавалась она вопросом.

Вся жизнь ее матери была подчинена одной-единственной цели – добраться до Медфорда. Годами она говорила об этом городе. Оглядываясь назад, Гвен видела теперь то, о чем в детстве не задумывалась. Они с матерью путешествовали вдвоем. Женщина с ребенком никогда бы не отправилась в далекое плавание одна, не будь у нее на то веской причины, даже если бы в конце пути ей был обещан рай. Кроме того, тенкинки никогда не путешествовали без сопровождения.

Станным было и имя, которое Иллия выбрала для своей единственной дочери: Гвендолин. Мать родилась в племени ованда и, согласно обычаю, должна была назвать ребенка в честь какого-нибудь предка, но у них в роду точно не могло быть никого по имени Гвендолин. Красивое имя, но не тенкинское. Так могли назвать светлокожую, белокурую девочку с голубыми глазами. До прибытия в Вернес Гвен никогда не видела женщин со светлыми волосами, и даже там они были редкостью. Лишь много лет спустя, когда Гвен наконец поселилась на севере, она повстречала других девушек с похожими именами. Однако имени оказалось недостаточно, чтобы ее сочли своей в чужих землях. Все светлокожие путешественники и лавочники смотрели на нее с презрением.

Жители Калиса тоже относились к белым гостям с некоторым подозрением. Большинство калианцев полагали, что чужеземцы приносят болезни, однако это никогда не мешало им налаживать с приезжими деловые отношения. На севере все было иначе. Даже в Вернесе, где, казалось бы, должны были привыкнуть к многоликой толпе иммигрантов, люди избегали общества Гвен и ее матери.

Они умерли бы с голоду, если бы не дар ее матери. В Вернесе было множество приезжих калианцев. Они поселились на холмах за городом, где разбили большой лагерь с красочными шатрами, совсем как в Дагастане или Ардоре, и его обитатели по достоинству оценили талант провидицы. Иллия предсказывала будущее по ладоням своих соотечественников, а те,

в свою очередь, были рады иметь рядом с собой столь умелую гадалку.

У тенкинок этот талант всегда передавался от матери к дочери, и Иллия обучила Гвен всему, что знала.

– Свое будущее ты прочесть не можешь, – говорила ей Иллия, – как не можешь увидеть собственное лицо, но точно так же, как ты иногда видишь свое отражение в темном стекле или спокойном водоеме, ты сумеешь отыскать свой путь среди линий жизни других людей.

Мать учила Гвен своему ремеслу, показывая ей ладони клиентов.

– Что ты видишь? – спрашивала она, подставляя обветренную руку мужчины.

– Корабль, большой корабль с парусами, – отвечала Гвен.

– Какого цвета?

– Синего.

– Это, скорее всего, прошлое.

Гвен посмотрела на мужчину, которого мать держала за руку, и тот подтвердил ее слова:

– Я только вчера прибыл на корабле.

– Недавние события прочесть легче всего, – пояснила Иллия. – Они самые яркие.

Вскоре Гвен и сама занялась гаданием. Поначалу она видела только недавнее прошлое, и, чтобы не сердить клиентов, мать заканчивала гадать за нее. Так проходили все их уроки, и Гвен удивлялась, почему мама никогда не показывает ей собственные руки и не предлагает учиться по ним. Сначала Гвен думала, что слишком близкое родство не позволяет видеть будущее друг друга, но по мере того как росло ее мастерство, Иллия все чаще стала носить перчатки.

Спустя какое-то время они покинули лагерь калианцев и примкнули к каравану, который направлялся на север, но в дороге Иллия заболела, и им пришлось отстать от попутчиков. Гвен привезла мать в какой-то городок, где несколько дней пыталась найти врача, готового их принять, но все ее старания оказались тщетными. Предвидя скорую кончину матери, Гвен наконец решилась задать ей все мучившие ее вопросы. «Почему мы покинули Калис? Почему ты дала мне северное имя? – настойчиво спрашивала она. – И самое главное: почему для тебя так важно, чтобы мы добрались до этого таинственного места под названием Медфорд?»

Мать упорно отказывалась отвечать и говорила лишь, что так ей повелел бог. Когда Гвен спросила, какого бога она имеет в виду, мать ответила:

– Того, что ходит в облике человека.

На оплату тесной комнатухи Гвен потратила почти все имевшиеся у них деньги. На протяжении многих дней ей так и не удалось добиться помощи врача, оставалось только прикладывать к голове матери влажную тряпку, а Иллия тем временем лежала, неподвижная и безмолвная, с закрытыми глазами. Но как-то утром она пошевелилась.

– Обещай мне... – прошептала она, – обещай, что поедешь в Медфорд, как мы всегда того хотели. Поклянись, что не остановишься на полпути, доберешься до этого города и поселишься там. Ты должна осуществить то, что не получилось у меня. Ты должна быть там ради него.

Гвен ничего не поняла из предсмертного бормотания матери, и она больше ничего не узнала о *нем*, но обещание дала. В ту минуту она готова была поклясться в чем угодно, даже если бы мать попросила ее выйти замуж за гоблина или поселиться на облаке.

Спустя два дня Иллия скончалась в крошечной комнатке в незнакомом городе, далеко и от Калиса, и от Медфорда. Гвен было всего четырнадцать лет.

Она предоставила матери роскошь умереть в постели, а не в канаве, и это окончательно

разорило ее. Денег не осталось даже на еду, не то что на похороны. Мысль о том, что придется отдать тело матери городским стражникам, которые всегда относились к ним с невиданной жестокостью, повергала ее в ужас. Оставшись одна в маленькой комнатке, Гвен сделала единственное, что могла сделать: села и заплакала. Сквозь рыдания она едва расслышала стук в дверь.

На пороге стоял высокий худощавый человек с переброшенным через плечо кожаным мешком.

– Прошу прощения, я пришел к Иллию, – вежливо начал он.

– Моя мать умерла.

Гвен вытерла слезы. Тогда ей не пришло в голову спросить, откуда он узнал, где их искать.

Мужчина кивнул, не выказав ни малейшего удивления, как будто уже знал об этом.

– Мне очень жаль, – сказал он, глядя на кровать, где лежала закутанная в свою любимую шаль мертвая Иллия, и прибавил: – Твоя мать гадала мне по руке, но тогда у меня не было денег, чтобы заплатить ей. Я пришел отдать долг. – Он положил на ладонь Гвен шесть монет. Увидев их цвет, она раскрыла рот от удивления.

– Этого слишком много, – покачала она головой. – За гадание мама брала три медяка. Это... это...

Гвен никак не могла произнести вслух то, что вертелось у нее на языке. Сжимая монеты, она чувствовала себя так, будто держит в руках лето или солнечный свет. Помнится, она тогда подумала: «Такую силу нельзя держать такими грязными руками».

– Она предсказала кое-что очень хорошее, – пояснил мужчина.

Странная это была встреча. Незнакомец явно не был калианцем, а, насколько Гвен знала, Иллию никогда не гадала жителям севера.

Гвен увидела на лице мужчины улыбку. У него было хорошее, доброе лицо.

Все последующие годы она сотни раз переживала этот момент, спрашивая себя, что тогда произошло. Отчасти дело было в его манящих глазах, которые привлекли ее. Отчасти – в ее отчаянии. Гвен осталась одна как перст и не помнила себя от охватившего ее страха. Ее мучили вопросы – не только о том, кто он такой, но и кто она сама. Что ей делать теперь, когда она лишилась главной и единственной опоры в жизни? Вопросов было столько, что когда она посмотрела на незнакомца, все они явственно читались на ее лице.

Иллию научила Гвен всем премудростям гадания по руке, но она никогда не говорила, что бывает, если тенкинская провидица пристально посмотрит человеку в глаза. Мать объясняла так: линии на ладони – это жизненный путь человека, написанный его душой. Прочитать его почти так же просто, как книгу. Но сейчас Гвен обнаружила, что глаза – это окна, заглянув в которые утрачиваешь способность держать себя в руках. Посмотреть в глаза – это как прыгнуть со скалы в реку, не зная, какая там вода, какая глубина... И, как она поняла в тот день... в глазах можно утонуть.

Она бы и утонула, если бы он не отвернулся. Смотреть ему в глаза было все равно что созерцать вечность. Гвен не сошла с ума только потому, что незнакомец быстро отвел глаза, но того немногого, что она увидела, было достаточно. Силы покинули ее, и она в слезах рухнула перед ним на колени.

Ее головы коснулась ласковая рука, и Гвен услышала слова:

– С тобой все будет хорошо. Возьми эти монеты. Одну из них потрать на погребение матери. Будь щедрой – она заслуживает самого лучшего. Второй монетой оплати дорогу до

Медфорда и будь бережлива. Оставшиеся четыре монеты сохрани и спрячь. Ты не должна тратить их, как бы плохо тебе ни было. Береги их, пока не поймешь, что иного выхода у тебя нет.

– Почему? – Теперь она не могла с уверенностью сказать, действительно ли задала этот вопрос или прошедшие годы заполнили провалы в памяти. Гвен с трудом верилось в то, что она сохранила дар речи после того, как посмотрела ему в глаза – после того, что там увидела.

– В Медфорде к тебе придет человек, попавший в беду, – сказал незнакомец. – Он придет ночью, слабый, беспомощный, облаченный в собственную кровь, и помолит о помощи. Ты должна быть там. Ты должна его спасти.

Мужчина подошел к кровати, где лежала покойница, и несколько секунд постоял возле тела. Когда он повернулся, Гвен заметила на его щеках слезы.

– Позаботься о ней. Она была хорошим человеком.

Это произошло целую жизнь назад, далеко отсюда. Четыре спрятанные монеты стали для Гвен священной реликвией. Она хранила их под щербатой доской в маленькой комнате в конце коридора, там, где была кровать с расшатанной ножкой. Пять лет Гвен берегла их, никому никогда о них не говорила и часто на них молилась.

– Чтоб ты провалился, дурацкий бесполезный кусок дерьма!

Гвен вздрогнула, услышав голос Диксона. Возчик ударил ногой по колесу телеги со сломанной осью, стоявшей возле склада Беннингтона, всем видом напоминая раненое животное. Сам Диксон выглядел не намного лучше. Он был силен, как бык, но лицо со впалыми щеками выглядело изможденным. Кривая улица для многих становилась концом пути. Диксон остановился, заметив, что девушка смотрит на него, и почтительно приподнял шляпу.

Этот жест вызвал у Гвен улыбку, и она кивнула в ответ.

Солнце поднялось высоко над косыми крышами, окрасив улицу в золотой цвет. По небу проплывали хмурые осенние облака, предвещавшие холодные дожди. Гвен с сочувствием посмотрела на Диксона. У нее хотя бы было пропитание и крыша над головой, а это уже немало. Ведь ее жизнь могла сложиться еще хуже... И как только она об этом подумала, жизнь ее и в самом деле стала хуже. По улице шел Стейн, держа в руке молоток, а под мышкой – кусок дерева.

* * *

– Притащил кусок дерева, – сообщила она Гру после того, как Стейн отнес свою ношу вверх по лестнице в «Гадкой голове». – Откуда он взял древесину?

– Не знаю и знать не хочу. Он должен починить дверной косяк. Давно пора. Небось паршиво сделает. Он ведь рыбак или портовый рабочий, что-то вроде того. Уж во всяком случае, не плотник.

Странно, подумала Гвен, неужели Гру не знает, что Стейн занимается рыболовными сетями на судне «Леди Банши»? Может, и знает, но прикидывается несведущим, чтобы подчеркнуть дистанцию между собой и Стейном. Таков был Гру – не из тех, кто поддерживает человека, когда меняется погода. Конечно, вполне возможно, он и правда не знал. В конце концов, Гру только наливал этому мерзавцу выпивку. Не ему же приходилось спать с ним и выслушивать потом его болтовню.

Гру вытирал опивки с обитой сосновыми досками барной стойки. И зачем он только понапрасну тратил время? Никому не было дела до чистоты прилавка. Те, кто являлся сюда по вечерам, с удовольствием расселись бы и возле сточной канавы на задах, лишь бы Гру продолжал им наливать. Не выпуская из рук грязной тряпки, Гру подошел к лестнице и крикнул:

– Постарайся сделать так, чтобы дверь легко открывалась и плотно закрывалась!

– Он что, получил жалованье? – спросила Гвен.

– Похоже на то. – Гру вернулся к барной стойке и потряс бочки, чтобы определить, насколько они полные. – Все, кто работает в порту, получают жалованье в новолуние, а вчера ночь была темная.

– Сколько? Сколько ему заплатили?

– А мне-то почему знать?

– Больше восьмидесяти пяти?

Гру помедлил, повернулся к ней и помахал полотенцем перед ее лицом.

– Это он уже оплатил.

– Я знаю. А теперь у него есть еще деньги...

– И что с того? Нам-то только лучше. У него есть деньги на починку двери и на выпивку.

– И на женщин?

– Ты о чем, безмозглая потаскушка?

– Ты не можешь отдать меня ему, Гру. Не можешь!

– Парень уплатил долг. – Гру подошел к грифельной доске и постучал по ней. Его мокрые пальцы оставили черные пятна на списке имен, напротив которых значилась сумма долга. На месте стертого имени Стейна зияла пустота. – Он больше ничего не должен.

– Если у него есть деньги, он меня убьет. Теперь он знает, что ему это сойдет с рук. Он даже цену знает – сколько ты берешь за это удовольствие.

– Неправда, – фыркнул Гру. – То, что произошло с Эйвон, просто несчастный случай. И не надо делать из Стейна чудовище, которое убивает девочек ради развлечения.

– Так оно и есть!

Гру нахмурился.

– Вовсе нет. Он платил за тебя несколько раз, и ничего, ты до сих пор жива. Да он со всеми здешними девочками развлекался не единожды. Стейн всегда был хорошим клиентом. Ты просто должна понять, что парням вроде него – тем, кто изо дня в день ковыряется в вонючей рыбе и выполняет приказы лодочников и портовых рабочих, – иногда нужна передышка. Им хочется почувствовать себя мужчинами, поэтому они время от времени любят похулиганить. Схватить девчонку за волосы, слегка встряхнуть – это дает им почувствовать, что они тоже чего-то стоят. Вот за чем он приходит. Вот за чем они все приходят – посмотреть, каково это – никому не подчиняться и делать, что вздумается.

Гвен молчала, скрестив руки на груди и слегка покачиваясь из стороны в сторону.

– Это был несчастный случай, Гвен, – повторил Гру. – Кроме того, неужели ты всерьез полагаешь, что я стал бы терпеть, вздумай он – или кто угодно – убивать моих девочек? Моему заведению от этого один вред. Мало того что теперь придется искать Эйвон хорошую замену, но и народу не понравилась эта выходка. Я начну терять посетителей, да еще пол от крови отмывай! Уж поверь, будь у меня причина подозревать, что смерть Эйвон – не обычный несчастный случай, я бы Стейна и на порог не пустил.

– Но он и раньше это *делал*. Он сказал мне, что была еще девушка в Роу.

Гру недовольно закатил глаза.

– С чего бы он стал тебе об этом рассказывать? Дальше ты обвинишь его в том, что он распространяет чуму и топит щеночков. Великий Мар, Гвен! Я знаю, ты все еще расстроена, но Стейн не убийца. И я с ним уже провел длительную беседу. Больше такое не повторится, поняла?

Гвен, разумеется, в это не верила, но не видела смысла продолжать бесполезный разговор.

– Я сказал ему, что если бы он взял напрокат лошадь и сломал ей ногу...

– Лошадь? Ты сравнил нас с лошадьми?

Гру усмехнулся:

– Ему так понятнее.

Гвен была уверена, что и самому Гру так понятнее.

– Стейн обещал хорошо себя вести, – успокаивающе сказал он.

– Он убьет меня, Рэйнор. – Назвав хозяина трактира по имени, Гвен надеялась достучаться до него, вдруг он воспримет ее слова как личную просьбу, обращенную к старому другу, а не к человеку, принудившему ее заниматься проституцией. – Он затаил злобу и убьет меня за то, что я пошла к шерифу.

– Ну так раньше надо было думать, ты так не считаешь?

Гвен промолчала. Что она могла на это ответить? Будь она мужчиной, избива бы Стейна до полусмерти, однако будь она мужчиной, в этом не было бы необходимости.

Заметив выражение ее лица, трактирщик немного смягчился.

– Послушай, я просто хочу сказать, что ты сама во всем виновата. К тому же, захоти Стейн тебя убить, он бы сюда не пришел, а расправился с тобой в другом месте. Но все это не имеет значения. Он просил оставить ему Джоллин.

– Он просил? И ты согласился? Ты и правда отдашь ему очередную девушку?

– Эль, азартные игры и женщины – вот чем я зарабатываю на жизнь. Вот и все.

– Не смей этого делать! Черт возьми, Гру, ты не можешь! Ты просто не можешь!

– Да утомись ты! Я тебе уже сказал, он просил не тебя.

– Мне все равно. Он убьет Джоллин. Разве ты не понимаешь?

– Против Джоллин он ничего не имеет.

– Против Эйвон он тоже ничего не имел. Ему просто нравилось видеть страх на ее лице.

– Гвен, твоя болтовня мне порядком надоела! Хватит уже! – Гру грубо оттолкнул ее с дороги и вернулся к бочкам, тряхнув бочонок с темным элем сильнее, чем следовало.

– Мы не твоя собственность.

– Да неужели?

– Итан не позволит тебе держать нас здесь против нашей воли. Шерифы должны докладывать верховному констеблю, а тот – королю, а король Амрат думает о...

– Что, во имя Новрона, ты можешь знать о короле Амрате и о чем он думает? Или о шерифе, если уж на то пошло? Ты просто тупая шлюха, и я вообще не обязан тебя здесь держать. Я тебе это уже говорил. Можешь убираться отсюда! В любое время! – Он схватил Гвен за волосы и, подтащив к двери, вытолкнул на крыльцо. – Вот... иди. Ну давай, проваливай! – Он уставился на девушку. – Куда ты пойдешь? Что будешь делать? Зима на носу, по ночам уже холодно. Где ты будешь спать? Что будешь есть?

– Я могу делать то, что делала и здесь...

– Как в прошлый раз? Как Хильда? Ну давай, попробуй! Мешать не стану. Но второй раз

обратно я тебя не приму. Иди-иди! Может, протянешь дольше, чем Хильда. Она продержалась пару недель. У тебя получится лучше. Ты умнее. Готов поклясться, продержишься целый месяц. Хотя... может, и нет. Она-то была местная.

Хильда и Эйвон работали в «Голове» до того, как туда пришла Гвен. Они никогда не говорили, как давно этим занимаются. Хильде не терпелось вырваться, поэтому она скопила немного денег и как-то ночью, после того как ее в очередной раз избили, сбежала от Гру. По слухам, она пыталась найти приличную работу, но ничего у нее не получилось. Она даже обратилась в другую пивную, но ей везде отказали, поскольку всем было известно, что это девочка Гру. И Хильде не оставалось ничего иного, кроме как торговать собой на улице, в переулке за кожевенной лавкой. Продержалась она всего две недели. Ее тело нашел Итан. Хильду ограбили и задушили. Убийцу искать никто не стал. Им мог оказаться кто угодно.

Гру посторонился, демонстративно освобождая Гвен дорогу.

– Хочешь жить? Значит, останешься здесь и будешь делать все, что я велю. – Он подергал свою жиденькую бороденку, состоявшую из разрозненных пучков волос, которые явно не желали расти вместе более чем на три дюйма. – Послушай, – сказал он уже мягче, – не хочу тебя пугать, но даже я знаю, что отдавать тебя Стейну – дерьмовая затея. Поэтому он возьмет Джоллин.

Гвен широко раскрыла глаза.

– Значит, он все-таки просил *меня!*

– Ага, но он тебя не получит. Уж сегодня-то точно. Не получит, пока я не буду уверен, что он оставил свои проделки в прошлом.

– Но он не оставит – у него это в крови, Гру! А даже если и не так, он сделает это от злости, чтобы хоть как-то отомстить мне. Он убьет Джоллин, потому что знает, какую боль причинит мне ее смерть. Если пока он не может поквитаться со мной за шерифа иным способом, его и это устроит.

Гру провел рукой по лицу и потряс перед девушкой кулаком.

– Гвен, я устал с тобой препираться. Ты здесь ничего не решаешь. Как только он починит дверь, я пошлю к нему Джоллин. Я уже все решил.

– Я тебя предупреждаю, Гру...

Он ударил ее с такой силой, что девушка пошатнулась, еле удержавшись на ногах.

– Сначала ты грозишься уйти, потом угрожаешь *мне?* Тебя погубит эта твоя калианская кровь! Не стоило мне вообще тебя привечать. С тобой хлопот не оберешься. Я знаю, мужчин привлекает твой экзотический вид, усматривают в тебе что-то новенькое, необычное. Но если б я знал, сколько от тебя будет неприятностей...

Гру схватил Гвен за плечи, сдавив их длинными грязными, похожими на звериные когти пальцами.

– Сейчас я скажу тебе, что делать, и ты все сделаешь. Поняла? – Он грубо встряхнул ее. – Я хочу, чтобы *ты* пошла, разбудила Джоллин и подготовила комнату. Приберись в маленькой, Стейна лучше не оставлять в комнате с кровавым пятном, а то неизвестно, что ему в голову взбредет.

Гру затащил девушку обратно в трактир и с силой толкнул к лестнице. По пути Гвен врезалась в стол и чуть не уронила стул.

– И больше я не желаю слышать от тебя ни единого слова! – Он поднял указательный палец. – Ни... единого... слова.

Стук, стук, стук – стучал молоток Стейна.

Гвен вошла в комнату к девушкам, где все они спали на двух матрасах на полу, словно щенята. Работа в «Голове» редко начиналась раньше заката, поэтому днем они обычно дремали. Не считая Гвен, самой старшей среди них была Джоллин, а самой младшей – Роза. Той было, наверное, лет четырнадцать, но Гвен так и не добилась от нее прямого ответа на вопрос о возрасте и потому точно не знала. Самой миниатюрной была Мэй, напоминавшая маленькую хрупкую птичку, и Гвен всегда передергивало, когда она видела, как эта девушка поднимается вверх с верзилами, которым даже в трактирном зале приходилось нагибаться, чтобы не задеть головой потолок. Этта никогда не отличалась красотой, а теперь выглядела и вовсе ужасно из-за переломанного сплющенного носа и двух выбитых передних зубов – следствия побоев, после которых она полтора дня пролежала без сознания. В основном она занималась уборкой и прислуживала в пивной. Кристи и Эбби могли бы сойти за родных сестер, настолько они были похожи, хотя Кристи приехала из Холодной лощины, а Эбби родилась на Кривой улице. Все они были уроженками Медфорда или окрестных ферм и деревень и за всю свою жизнь едва ли проехали больше пары миль – все, кроме Гвен, которая явилась с другого конца света.

Стук, стук, стук.

– Гру, я почти закончил, – крикнул Стейн.

Гвен пересекла океан, проехала через два государства и пять королевств. Она видела горы, джунгли и великие реки. Она побывала на улицах восточной столицы и крупнейшего города на западе, но за время всех ее скитаний не встретила ничего, что могло бы сравниться с увиденным ею в крошечной комнатухе, где скончалась ее мать, – с тем, что она увидела в глазах незнакомца, который вложил ей в ладонь шесть золотых монет.

«Береги их, пока не поймешь, что у тебя нет иного выхода», – вспомнились ей слова незнакомца.

– Вставайте! Просыпайтесь! – Она трясла всех девушек по очереди. – Собирайте вещи, и побыстрее!

Девушки медленно поднялись, потягиваясь, и теперь больше напоминали кошек, нежели щенят.

– Что случилось? – спросила Джоллин, потирая лицо, и, прищурившись, посмотрела на свет за окном.

– Нам нужно уходить.

– Уходить? – удивилась Джоллин. – Что это тебе в голову взбрело?

– Мы больше не можем здесь оставаться.

Джоллин закатила глаза.

– Опять ты за свое, Гвен! Ну, если ты еще раз хочешь попытаться, уходи!

– Я не могу уйти одна. Поодиночке никто из нас не выживет, но вместе может получиться.

– Где выжить? Как?

– У меня есть немного денег, – сказала Гвен.

– У нас у всех есть *немного* денег, – заметила Кристи. – Но этого не хватит.

– Нет, у меня есть *настоящие* деньги.

– Сколько? – спросила Эбби.

Гвен вздохнула.

– У меня есть четыре золотые монеты.

– Врешь! – вскричала Эбби.

– Четыре золотых? – пробормотала Мэй. – Быть не может! Ты никогда бы столько не заработала, даже если бы переспала со всеми мужчинами Медфорда.

– Я их не заработала, – пояснила Гвен. – Мне их дали. Я просто не знала, как их лучше потратить... а теперь знаю.

Джоллин усмехнулась:

– Я подозревала, что у тебя где-то припрятаны деньги, но не думала, что так много. Впрочем, этого все равно не хватит.

– Значит, придется еще заработать, – решительно кивнула Гвен.

– Что ты задумала? – спросила Эбби.

В том-то и беда: Гвен пока ничего не задумала. Она понятия не имела, что делать. Знала лишь, что не хочет окончить свои дни, как Эйвон, но одной ей не выжить. Может, вместе им больше повезет. Она подошла к окну, за которым виднелись грязные улицы Нижнего квартала.

– Я все продумала, доверьтесь мне.

– Нас никто не возьмет на работу, – сказала ей Джоллин. – В более-менее приличный дом, чьи хозяева могут себе позволить нанять служанку, никогда не возьмут человека без рекомендательного письма, даже мыть полы и выливать ночной горшок. А гильдии не принимают женщин в ученики.

– Она права, – согласилась Этта. – Меня-то уж точно никто не возьмет! Кому же захочется каждый день видеть мое лицо? Даже мне противно на него смотреть.

– Тебе все это прекрасно известно, Гвен. Однажды ты уже попробовала уйти, помнишь? Ничего у тебя не вышло! А про Хильду ты забыла?

– Хильда пыталась выжить в одиночку. Я тоже, – отозвалась Гвен. – Вот в чем была наша ошибка. Но если мы будем держаться вместе...

– То составим друг другу компанию, пока будем помирать с голоду? – съязвила Джоллин.

– Может, нам уйти куда-нибудь подальше? – предположила Мэй. – Туда, где нас никто не знает?

Джоллин покачала головой.

– Там захотят все про нас узнать. Никто не возьмет на работу тех, чье прошлое неизвестно. Мы там будем чужими, и никто не предпочтет незнакомца человеку, которого знал годами.

– У меня на глазах мать умерла от голода, – тихо проговорила Роза. – Я не хочу повторить ее судьбу.

– Нет, уйти от Гру слишком опасно, – заключила Джоллин. – Даже если у нас было бы достаточно денег на еду, нам негде спать, разве что на улице. Как скоро нас тоже ограбят и задушат? Гвен, неужели ты думаешь, что, будь у нас выбор, мы бы оставались здесь?

Гвен отвернулась от окна.

– Но у меня есть золото...

– Чудесно, Гвен! Купи себе красивое платье или что-нибудь еще. – Джоллин снова улеглась на матрас и потянулась за покрывалом.

– Но ты не понимаешь...

– Все я понимаю! Ты считаешь, что где-то может быть лучше, чем здесь. Да, Гру часто ведет себя как последний мерзавец, но поверь мне, это еще не самое страшное, что есть в жизни. Уж я-то знаю! Надо смотреть правде в глаза: как бы отвратительно здесь ни было,

если мы уйдем, то почти наверняка погибнем. Кому, как не тебе, это знать?

– Ты права, – кивнув, Гвен хлопнула себя руками по бокам. – Ты совершенно права!

– Ну надо же! Оказывается, и ее можно в чем-то убедить.

Джоллин натянула покрывало на голову и зарылась в подушку, чтобы не слышать доносившегося из коридора стука.

– Что, Джоллин, грохот мешает тебе спать? – спросила Гвен. – А знаешь, что это за стук? Стейн чинит дверь, которую я сломала.

– И что? – Джоллин скинула с головы покрывало и покосилась на Гвен.

– А то, что у него появились деньги, и Гру собирается отдать ему тебя.

Джоллин смертельно побледнела и медленно села на матрасе.

– Меня?

– Он же ее до смерти изобьет, – ужаснулась Этта, пришепетывая так, что слово «смерть» прозвучало как «шмерть», и слова, произносимые ее покалеченными устами, казались не просто словами и звучали особо угрожающе.

– Да, изобьет, и это будет не последняя его жертва – если только мы не уйдем... прямо сейчас.

– Но ты же чуть не погибла, когда попыталась, и Хильда...

– Повторяю: и я, и Хильда совершили одну и ту же ошибку... Тогда я этого не понимала. Каждая пыталась выжить в одиночку. К тому же у Хильды было всего несколько медяков, поэтому она оказалась на улице, а когда я бежала, то не взяла свои монеты... Они остались здесь, в тайнике. А на них мы можем приобрести собственное жилье – безопасное жилье. И что с того, что нас никто не возьмет на работу? Какая разница? Гру неплохо на нас наживается, и Хильда правильно решила оставлять всю прибыль себе. Мы можем открыть собственный дом. Если мы будем вместе, у нас есть шанс выжить. Это лучше, чем надеяться на то, что Стейн лишится работы и останется без денег или превратится в нормального человека.

На лицах девушек появилось выражение сомнения. Гвен поняла, что они прикидывают свои шансы.

– Всё, я иду за деньгами! Кто уходит со мной, собирайте вещи! Ждать нам нечего, если решили уйти, надо сделать это немедленно.

Гвен выскочила из комнаты, чтобы избежать лишних вопросов и успеть покинуть трактир до того, как Стейн закончит работу. По правде говоря, эта мысль пришла ей в голову буквально минуту назад, и не все фрагменты мозаики пока что сложились в единую картину.

Стук, стук, стук. Стейн стоял на коленях, прибывая новую доску из светлого дерева к дверному косяку. Увидев Гвен, он гнусно улыбнулся.

– Ну вот, здесь я почти закончил. Потом немного повеселюсь...

Гвен зашла в маленькую комнату напротив и захлопнула за собой дверь. Прислонившись к ней спиной, она выждала какое-то время, чтобы убедиться, что Стейн не последует за ней. Из коридора по-прежнему доносились звуки рубанка и молотка. Значит, ей ничто не угрожает... пока. В маленькой комнате не было запора, как в той, другой, где была убита Эйвон. Это всегда немного беспокоило Гвен. Днем ей никогда не удавалось проверить, на месте ли деньги, но сейчас она явилась сюда не для того, чтобы удостовериться в их сохранности.

Она прошла по комнате, отодвинула стол и, вознося молитву, подняла половицу. То, что ей удалось так долго скрывать эти деньги под самым носом у Гру, само по себе было чудом.

Клиенты всегда платили за девушек Рэйнору, но некоторые, те, что подороже, давали девушкам на чай. Не больше пары медяков, и Гру позволял им оставлять чаевые себе. Но он и понятия не имел, что Гвен хранит под полом в маленькой спальне целое состояние. Если бы знал, сам прикончил бы ее ради этих денег.

Доска легко сдвинулась. Под ней лежал небольшой мешочек, сшитый Гвен из рукава, который Гидеон Хок оторвал от ее платья в ночь, когда выпил восемь кружек вместо обычных четырех. Последний раз, когда она пересчитывала свои сбережения, у нее было сорок пять медяков в дополнение к четырем золотым тенентам. Весомая сумма... Не просто все ее сбережения, но священное сокровище. Она сунула мешочек в лиф и вышла из комнаты.

Стейн, закончивший работу, то открывал, то закрывал дверь, проверяя, плотно ли она прилегает к косяку. Увидев Гвен, он бросил:

– Скажи Джоллин, чтобы причесала волосы и оставила их распущенными.

Когда Гвен вошла в спальню, все девушки уже поднялись и ждали ее – все до единой.

– Гвен, – сказала Этта, – не знаю, что на тебя нашло, когда ты велела нам паковать вещи – ты же знаешь, что у нас ничего нет!

– Великий благословенный Марибор, Гвен! – прошептала Джоллин. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

– Просто идите за мной.

Все девушки были босыми. Гру считал обувь излишней роскошью, но сейчас им это только помогло – они спустились по деревянным ступеням почти бесшумно, как пущенная под гору телега. Однако как раз в тот момент, когда Гвен открыла дверь на улицу, из маленькой кладовой возле кухни вышел Гру. Увидев девушек, он недовольно проворчал:

– Что это здесь происходит?

На секунду Гвен замерла на месте, а потом быстро вытолкнула девушек на крыльцо, где они в замешательстве остановились. Кошки превратились в утят, а Гвен поневоле – в утку-мать, которая встала между своим выводком и злобным псом.

– Я тебя предупреждала, Гру! Мы уходим!

– Господи, ты, тупая потаскуха! Я же тебе только что сказал: некуда тебе идти! Для вас всех это единственное место. Ну идите! Давайте, проваливайте! Погуляйте немного по городу. Когда устанете – когда стемнеет, похолодает и брюхо сведет от голода, – вот тогда вы поймете, как вам здесь было хорошо, и вернетесь как миленькие. Но запомните: когда вернетесь, я больше не стану терпеть ваши выкрутасы. Будете делать то, что я велю. И вот еще что: за все те неприятности, что вы мне тут устроили, вас ждет хорошая порка!

Гвен молча вышла на улицу и закрыла за собой дверь.

У нее дрожали руки, ее всю трясло. Ей казалось, она вот-вот упадет прямо на крыльцо.

– *Что* мы будем делать, Гвен? – спросила Эбби.

– Ты не знаешь, ведь так? – Джоллин нервно усмехнулась.

– Ты бы с нами так не поступила, правда же? – спросила Мэй. – Не взбесила бы Рэйнора, если бы не знала, куда пойти?

Роза коснулась руки Гвен и посмотрела на нее своими большими, как у олененка, глазами.

– Пожалуйста, скажи нам. Куда мы идем?

Гвен дрожала, прислонившись к двери. Солнце наконец поднялось достаточно высоко, чтобы стереть тени, которые отбрасывала «Гадкая голова», и напротив нее возвышался полуразвалившийся постоялый двор.

- Туда, – указала Гвен.
- Ты сошла с ума, – прошептала Джоллин.
- Возможно. – Гвен кивнула. – Но это лучше, чем смерть.

Глава пятая. Убийство на реке Бернум

– Мы уж думали, с вами что-то случилось, – сказал Себастьян, когда утром следующего дня Адриан вышел на палубу. – Юджин стучался к вам в каюту, но дверь была заперта и вы не отвечали.

Адриан посмотрел на небо. Солнце уже почти поднялось у них над головами.

На палубе собрались все пассажиры, кроме господина в капюшоне, который по-прежнему избегал общества. Сейчас его нигде не было видно. В центре небольшой группы сидела Вивиан, закутавшись в плащ Адриана. Она одарила его теплой улыбкой.

– Я поздно лег. Должно быть, слишком крепко заснул и не слышал, – пробормотал он виноватым голосом ребенка, которого обвинили в лени.

– Надо же, а я всю ночь глаз почти не сомкнул, – покачал головой Себастьян.

– Не думаю, что кому-то из нас удалось выспаться, – прибавил Сэмюэль.

Адриан набрал из висевшего на поручнях ведра пригоршню воды и плеснул себе в лицо. Потом потянулся и зевнул. После позднего пробуждения он всегда чувствовал себя уставшим и разбитым. Большую часть ночи он просидел с открытой дверью, не отрывая взгляда от маленького коридора, который вел к другим каютам, и часами наблюдая за качающейся лампой, но так никого и не увидел. Наконец, когда уже взошло солнце, запер дверь и улегся в постель, чувствуя себя круглым дураком.

Адриан присел рядом с Юджином. Самый молодой из купцов в восхищении рассматривал свои растопыренные пальцы. У него были обкусанные, грязные ногти, и потому Адриан решил, что юноша любит кольца. Их у него было еще больше, чем у Себастьяна, – по три на каждой руке. Адриан колец не носил. Просто не видел в этом смысла. Однажды богатый военачальник подарил ему перстень, но Адриану не понравилось, что кольцо затрудняет хватку, и он отдал его в качестве чаевых подносице в трактире. Наверное, его попутчики, будучи ювелирами, придерживались иного взгляда на украшения.

Вивиан подтянула колени к груди и совершенно утонула в складках плаща. Адриану никогда не нравилось тонкое одеяние, которое в Калисе называлось бишт. Он купил его у приставучего базарного торговца в Дагастане незадолго до посадки на корабль в Аврин. Торговаться Адриан никогда не умел, поэтому явно переплатил. На востоке с ним такое часто случалось, и плащ служил физическим напоминанием о годах, проведенных в Калисе. Но на Вивиан он смотрелся очень хорошо.

Баржа продолжала двигаться вверх по реке, изредка делая остановки у почтовых станций. Там меняли лошадей и кучеров и взяли на борт сменщика рулевого, чтобы Фарлан мог поспать. За ночь окружающий пейзаж разительно переменялся. Река Бернум стала уже, шумливее, а берега поднялись. Стены каньона погружали реку во мрак, а бечевник из проселочной дороги превратился в узкую тропку, пролежавшую по краю утесов, где из скудной каменистой земли торчали обнаженные корни редких кривых сосен.

Таким Адриан и помнил север: горы и ущелья, лед и заснеженные вершины. За годы, проведенные вдали от дома, с ним столько всего произошло. Сразу за утесами начинались земли королевства Уоррик, расположенного к северу от его родной деревни. Правил там старый Кловис Этельред. Жестокий правитель, но других Адриану встречать и не доводилось. Король Этельред собрал неплохое войско. Адриан считал себя знатоком в такого рода вопросах, поскольку сражался как на стороне этого войска, так и против него. Вот

откуда он знал здешние каньоны и утесы: помнил их с того времени, когда, будучи совсем молодым солдатом, вынужден был пробираться в горы и удерживать высоту, сражаясь с врагом, который всего несколько месяцев назад был его другом.

Он снова покосился на Вивиан. Встретившись с ней взглядом, он быстро отвернулся и устался на берега реки, слишком поздно осознав, что подобное поведение может показаться не только невежливым, но и подозрительным.

– Вы уже решили, где остановитесь в Колноре, господин Блэкуотер? – спросила Вивиан.

– Пока не знаю, – признался Адриан.

– Но вы же солдат, – бросил Юджин небрежным, полным превосходства тоном, который привел Адриана в раздражение.

– А вы купец, – сказал Адриан, хотя на языке вертелось словечко покрепче.

Юджин криво усмехнулся.

– Я имел в виду, что вы остановитесь в каких-нибудь казармах, не так ли?

– Вообще-то... я в отставке.

– В отставке? – усмехнулся Себастьян. – По вашему виду не скажешь, что вы успели хотя бы вступить в армию.

– И все же... – Адриан с улыбкой развел руками.

– Но тогда какие же у вас планы на будущее? – поинтересовался Сэмюэль.

Адриан начинал понимать человека в капюшоне, который предпочитал держаться от них подальше.

– Просто путешествовать.

– И куда вы направляетесь?

– На север.

– Север большой. Куда-либо конкре...

Лодка покачнулась, напоровшись на валун. Буксирный канат ослаб и провис, а затем снова натянулся. Обернувшись, Адриан заметил, что рулевого нет на месте.

– А где Фарлан? – спросил он.

Себастьян наклонил голову и бросил взгляд вверх своих спутников.

– Не знаю.

Все встали и последовали за Адрианом на корму. Рулевого и след простыл. Себастьян указал на веревку, обмотанную вокруг ручки руля.

– Обычно он так делает, когда уходит отдыхать, но он никогда надолго не покидает свой пост. Может, пошел готовить завтрак? Что-то он сегодня припозднился...

Посмотрев назад, Адриан увидел, что река, до сих пор относительно прямая и спокойная, теперь сплошь усеяна торчавшими из воды валунами и змеей извивается меж высоких утесов.

Он бросил взгляд в сторону кают.

– Думаете, Фарлан не вышел бы после такого толчка?

Все выжидающе уставились на дверь, ведущую в помещение, где располагались каюты, но когда она открылась, оттуда выглянул человек в капюшоне. Так и не открыв лица, он осмотрелся, затем, не проронив ни слова, снова ушел вниз.

– Кое-кто вообще ни о чем не беспокоится, – заметил Себастьян.

– А кто-нибудь сегодня видел Фарлана? – спросил Адриан.

Ювелиры и Вивиан переглянулись.

– Дайте-ка подумать... Кажется... нет. Я не видел. А вы? – обратился Себастьян к своим

товарищам.

Все покачали головами.

– Сменный рулевой ушел после ужина, так? – спросил Адриан.

– Вроде бы да, – ответил Себастьян. – Когда меняли лошадей.

– Может, Фарлан тоже сошел на берег, а мы не заметили? – предположил Адриан.

– Возможно, возникла какая-то путаница, – сказал Юджин. – Ну, скажем, ошибка в расписании... Может, кучер тронул лошадей до того, как Фарлан вернулся на борт?

– Думаю, Фарлан велел бы ему остановиться.

– Сигнализируйте коноводу, – скомандовал Себастьян.

Сэмюэль свистнул. Юджин махал руками до тех пор, пока кучер не остановил лошадей.

Адриан отвязал руль и подогнал баржу к берегу, куда ее и так несло течение. Купцы обыскивали баржу, но так и не нашли пропавшего рулевого. Все пассажиры сошли на берег, даже человек в капюшоне, который наблюдал за ними издали.

– Сменные рулевые приходят и уходят, но Фарлан никогда не покидает лодку. Он отплыл после того, как я запряг своих девочек, – сообщил коновод. Его звали Эндрю, это был пожилой мужчина с коротко стриженными волосами, который, казалось, чувствовал себя не в своей тарелке, общаясь с пассажирами. Он смущенно похлопывал лошадей по крупу. – Никогда не видел, чтобы старик Фарлан сходил на берег, разве что погрузить провизию или взять на борт груз.

– Тогда где он? – спросил Себастьян.

– Может, свалился в реку, – предположил коновод. – Всякое бывает... С Фарланом, правда, такого не случилось, но про других я слышал.

– Может, нам следовало бы его подождать? – спросил Адриан. – Не мог он доплыть до берега? А вдруг он сейчас бежит и пытается нас догнать?

Эндрю покачал головой.

– Если упал за борт, то ему конец, утонул. Эта река – воплощение зла, особенно здесь. Течение жуткое, бесполезно с ним бороться, а уж посередине и подавно. До берега не доберешься. А подводное течение в этом месте такое, что утащит даже самого сильного пловца. Схватит и сожмет зубами, как крокодил оленя. Тела никогда не всплывают. Река их глотает.

– Но если он все же выбрался? – настаивал Адриан.

Эндрю пожал плечами.

– Тогда с ним все будет в порядке, если только его не сильно побило о камни. Скорее всего, пошел назад к последней почтовой станции или просто будет сидеть на берегу и дожидаться следующей баржи.

– Почему назад? Почему не вверх по реке?

– Впереди больше остановок не будет. Мы входим в ущелья. Следующая остановка – Колнора. Конечно, он мог бы добраться до города, но под гору идти легче, чем в гору.

– Значит, сменных рулевых больше не будет?

Эндрю опять покачал головой.

– Ни рулевых, ни новых лошадей. Остались только мы с Бесси и Гертрудой.

– И что же нам делать? – спросил Сэмюэль.

– Придется вам ждать тут, пока я схожу обратно на почтовую станцию. Даже если Фарлана там не окажется, мне нужен какой-нибудь другой рулевой до конца путешествия.

– Сколько времени это займет? – спросил Себастьян.

– Думаю, большую часть дня, и то, если у них сейчас имеются свободные рулевые. Если нет, придется ждать следующую баржу, а она будет через три дня.

– Это невозможно! – отрезал Сэмюэль.

– Совершенно невозможно, – поддержал его Себастьян. – Мы сами можем управлять баржей.

Эндрю круговыми движениями погладил лошадей. Судя по его виду, в эту минуту он предпочел бы оказаться где угодно, только не здесь.

– Ну, наверное... сможете... Вот только до Колноры еще целый день, а этот последний отрезок пути...

– Стало быть, так и сделаем! – заявил Себастьян так громко, что его возглас эхом разнесся по утесам.

– Кто сядет за руль? – спросил Юджин.

– Будем меняться. Ты можешь начать, Юджин. Уверен, не так уж это трудно. – Он посмотрел на Эндрю.

– Ну... – пробормотал Эндрю. – Просто держитесь середины реки и старайтесь обходить камни. Вот и все. Всю тяжелую работу выполняют вот эти дамы. – Он снова погладил одну из кобыл по крупу.

* * *

Баржа снова тронулась в путь. Место у руля занял Юджин. Поначалу он действовал довольно неуклюже, и хотя Адриан тоже не умел управлять лодкой, какое-то время он сидел рядом с юношей, пока тот не стал более уверенно обходить камни. Трудно было понять, благодарен ли ему подмастерье ювелиров за опеку или же присутствие Адриана его раздражает, поэтому вскоре Адриан покинул место у руля.

– Его убили, – сообщил Сэмюэль Адриану, когда тот вернулся на палубу, где сидели ювелиры и Вивиан. Человек в капюшоне снова стоял на носу. Видимо, его обеспокоило то, что баржей управляет Юджин, и он не хотел оставаться внизу. – Тот тип перерезал ему горло и скинул труп в реку.

– Нам это неизвестно, – возразил Адриан. Судя по лицам попугачиков, только он в этом сомневался.

– Неужели вы считаете, что опытный рулевой мог сам упасть в реку на маршруте, которым ходил, наверное, раз сто? – спросил Себастьян.

– Нет, но мне также не хотелось бы подозревать худшее.

– Очнитесь, глупый мальчишка! – вскричал Сэмюэль. – Человек мертв! И вам отлично известно, кто в этом виноват.

Адриана передернуло.

– А еще громче вы этого сказать не хотите? А то Эндрю с Бесси вас, кажется, не слышали. Вот вы настаиваете, что Фарлана убили, но забыли одну очень важную деталь.

– Это какую же? – поинтересовался Сэмюэль.

– Зачем? – Вопрос Адриана повис в воздухе. – Вы можете мне объяснить, зачем ему понадобилось убивать Фарлана? Мне в голову не приходит ни одна разумная причина, разве что он сумасшедший, но он не производит впечатления безумца.

Казалось, это остудило пыл купцов. Они переглянулись, на лицах читалось

непритворное смятение. Пока они молча размышляли над вопросом Адриана, Вивиян проговорила тихим, дрожащим голосом:

– Думаю, я могу объяснить...

Все удивленно уставились на нее.

– Он был здесь вчера, не так ли? – спросила она, глядя в сторону носа. – Когда мы с вами беседовали. Он был поблизости, когда вы сообщили мне, что Фарлан намерен обратиться к шерифу с просьбой начать расследование убийств в Вернесе.

– Это правда? – насторожился Себастьян.

Адриан кивнул.

– Ему нужно было, чтобы Фарлан исчез, – сказал Сэмюэль, тоже переводя взгляд на нос. – Нет Фарлана, нет расследования, проблема решена.

– Ну вот, все ясно, – выдохнул Себастьян. – Не осталось никаких сомнений, и теперь...

– Что теперь? – спросил Адриан.

– Теперь мы просто *обязаны* принять меры, – пояснил Себастьян.

– Что вы хотите сказать?

– Мы всё знаем, не так ли? Нам всё известно.

– И что же нам известно?

– Что он в ответе не только за убийства в Вернесе, но и за гибель Фарлана. Более того – он знает, что мы его раскусили. Если он пошел на убийство Фарлана, неужели вы думаете, он на этом остановится? Да он нас *всех* прикончит – для него это единственный выход спасти свою шкуру!

– Да вы шутите, – нахмурился Адриан. – Нас тут пять человек, даже шесть, если считать Эндрю. Я бы сказал, победа за нами.

– Он застигнет нас врасплох, когда мы ляжем спать или останемся на дежурстве у руля. Перебьет всех поодиночке, словно хищник, прореживающий стадо.

– Значит, решено, – на сей раз Сэмюэль говорил шепотом. – Мы должны его опередить, убить раньше. Мы – или он. Он не крупнее Юджина – даже поменьше будет, – и я не вижу у него никакого оружия. Мы могли бы расправиться с ним прямо сейчас. Адриан, одолжите нам свои мечи и возьмите большой из каюты. Мы вместе нанесем удар, а потом столкнем тело этого мерзавца в воду, как он поступил с Фарланом.

Себастьян кивал с суровой решимостью на лице, будто судья на процессе.

Адриан пролил столько крови, что хватило бы на три жизни. Однако возможно, даже вероятно, что они правы. Господин Капюшон обвинял самого себя. Почему он держится особняком? Ведь наверняка слышал, о чем они говорят. Почему бы не подойти и не опровергнуть обвинения, если он действительно невиновен? Такое поведение вызывало подозрения, а его отношение к делу – беспокойство, но это еще не доказательство.

– Нет, – ответил Адриан. – Я не стану убивать человека только на основании предположений. С Фарланом что-то случилось, что-то необъяснимое, но мы даже не знаем, мертв ли он. Даже если его убили, с чего вы взяли, что это сделал человек в капюшоне? Ну да, парень держится особняком, и что с того? Глаза его вам не нравятся! И что это доказывает? Разве не мог убить рулевого Юджин, или кто-то из вас, или даже я?

Ювелиры в растерянности покачали головами.

– Мы толком ничего не знаем, – продолжал Адриан. – Я думаю, мы должны сделать именно то, что собирался сделать Фарлан. Переживем остаток сегодняшнего дня и ночь, а когда прибудем в Колнору, Эндрю приведет шерифа. Если вас это успокоит, я позабочусь,

чтобы никто не сошел на берег, пока шериф не поднимется на борт и во всем не разберется.

– Вы что, серьезно? – воскликнул Себастьян.

– Вполне вероятно, Фарлан жив и здоров и в данную минуту наслаждается горячим супом на предыдущей почтовой станции. А если он объявится в Колноре, и окажется, что вы убили ни в чем не повинного человека?

– Вы действительно полагаете, будто мы станем сидеть сложа руки и ждать, пока нас всех перережут?

– Я полагаю, вам следует уgomониться и дождаться шерифа. Пусть законные власти решают, что делать. – Адриан встал, подчеркнув огромным ростом серьезность своих намерений. – Если вы хоть пальцем его тронете, я вас уверяю, лишитесь руки.

– Вы защищаете убийцу!

– Вовсе нет. Я защищаю от обезумевшей толпы человека, виновность которого не доказана. Он вам не понравился с первой же минуты, как только поднялся на борт.

– А как же мисс Вивиан? Вы только вчера обещали защищать ее!

– Обещал и защищу. – Он посмотрел на женщину. – Я вас защищу. Обещаю.

– А нас? – спросил Сэмюэль.

– Вам я советую держаться вместе. Вы сами сказали: поодиночке вы уязвимы. Не давайте ему шансов, и я уверен, с вами все будет хорошо.

– Это ничего не изменит, – нахмурился Сэмюэль. – Разве вы не понимаете, в какой мы все опасности? Вы слепец и... дурак!

Адриан спокойно положил руку на рукоять короткого меча, и Сэмюэль замер.

– К вашему списку я добавлю еще и глухоту, но только сейчас, – тихо сказал Адриан и пошел прочь.

На маленькой барже ему было тесно. Он чувствовал, как Сэмюэль сердито смотрит ему в спину. Настроение Себастьяна было сложнее угадать. Адриан готов был поклясться, что не угодил ни одному из купцов, но по их поведению не мог определить, отказались ли они от своей безумной затеи убить человека в капюшоне.

Адриан увидел, что с высокого поручня планширя можно забраться на крышу спального отделения – чуть покатую и сложенную из просмоленных досок. Под прямыми солнечными лучами смола стала мягкой, но не липкой. Он устроился в одиночестве на этом самом высоком месте баржи, откуда хорошо просматривалась вся палуба. На корме расположился, положив ноги на перила, Юджин. Совсем недавно в такой же позе там сидел Фарлан, и Адриан очень надеялся, что старик рулевой благополучно добрался до берега. Хотя они не успели толком познакомиться, Адриану он понравился. Внизу продолжали переговариваться, понизив голос, Себастьян и Сэмюэль. Они сидели близко друг к другу в своих одинаковых плащах, а рядом с ними – Вивиан. На носу стоял, глядя на реку и, казалось, ни о чем не подозревая, человек в капюшоне.

* * *

Ближе к вечеру Адриан вновь занял любимившееся ему место на крыше кают и стал разглядывать звезды. Сидеть здесь было не так удобно, как на палубе, – не к чему прислониться, но зато, чтобы взобраться на крышу, требовались немалые усилия и ловкость, и это гарантировало уединение. Ни Вивиан, и никто из ювелиров не полез бы на поручни в

своих роскошных развевающихся плащах. Остался только человек в капюшоне, но Адриан сомневался, что он сюда явится.

День прошел спокойно, без потрясений. Лишившись рулевого, пассажиры делали что могли. Себастьян, Сэмюэль и Вивиан готовили обед и ужин. Адриан занял место у руля после Юджина, затем его сменил Сэмюэль, а последний отрезок пути оставался за Себастьяном. Хотя очередность на самом деле не имела значения. Все толклись на корме, и Адриан сомневался, что кто-нибудь из них этой ночью вообще ляжет спать. Они не дадут друг другу уснуть, проследят, чтобы никто не подвергался риску, и, если возникнет необходимость, будут меняться. Человек в капюшоне так и бодрствовал на носу баржи, а Вивиан заперлась у себя в каюте.

Русло реки все более сужалось, а стены каньона делались выше. Адриан знал, что судоходная часть реки Бернум заканчивается где-то к югу от Колноры у Янтарного водопада. Он понятия не имел, откуда ему это известно, но знал он это так же точно, как и то, что не стоит совать руку в огонь или стоять на вершине холма во время грозы. Должно быть, кто-то ему об этом рассказал, но он не помнил, кто и когда. Таким способом он накопил немало знаний, хотя наверняка многие из них были ошибочными.

Еще мальчишкой в маленькой родной деревушке он слышал немало историй, которые рассказывали гости – в основном странствующие жестянщики. Только они регулярно навещали долину Хинтиндара, а Адриан подозревал, что со времени его отъезда ничего не изменилось. Наиболее частым гостем был Рыжий Пэкер, о появлении которого за милю давали знать дребезг его телеги и ореол огненно-рыжих волос. На закате и впрямь казалось, будто вокруг головы Пэкера полыхает пламя. Жестянщик с изрядной ловкостью продавал свой товар и торговался, но его истории всегда были бесплатными, за что его тепло принимали в любом доме.

Пэкер утверждал, что побывал в самых дальних уголках изученного мира – от непроходимых лесов у реки Нидвальден, которая, по его словам, служила границей древнего эльфийского королевства, до несоизмеримо высоких башен Друминдора – древней гномьей крепости, которая могла изрыгать расплавленные камни на сотни футов. Жители деревни обожали его рассказы, главным героем которых обычно выступал он сам, оказавшийся посреди ночи на глухой безлюдной дороге. Чаще всего он потчевал благодарных слушателей фантастическими историями о встречах с призраками, гоблинами или феями, которые пытались заманить его к себе и обречь тем самым на безвременную гибель.

В детстве одной из любимых историй Адриана был рассказ о том, как Пэкера окружили гоблины. Он описывал их как маленьких зеленых человечков с острыми ушами, выпученными глазами и рожками на голове. Этот изысканный народец был одет, по словам Пэкера, в одинаковую форменную одежду и цилиндры. В лунном свете они выглядели настоящими щеголями и говорили с калианским акцентом. Гоблины хотели забрать Пэкера к себе в город и женить на своей королеве, но жестянщик перехитрил их. Он убедил гоблинов, что медный горшок обладает волшебными свойствами и, если надеть его на голову, он покажет будущее. Байки Пэкера собирали всех деревенских жителей у очага, и все они – и Адриан в том числе – раскрыв рты следили за каждым поворотом событий. Адриан четко представлял себе гоблинов такими, какими их описывал Пэкер, и верил каждому слову жестянщика. Это было задолго до того, как он покинул Хинтиндар, до того, как отправился в Калис и увидел настоящего гоблина. К тому времени Адриан уже начал сомневаться в жизненном опыте Пэкера, но несусветную глупость его историй осознал, лишь оказавшись в

джунглях и встретившись с первым представителем ба ран газели. Стало очевидно, что Пэкер никогда не видел живого гоблина. Иначе не дожил бы до того дня, когда сумел бы рассказать об этом.

Большую часть знаний Адриан приобрел у различных очагов зимой или в тени раскидистых деревьев летом, слушая истории людей, никогда не удалявшихся более чем на несколько миль от дома. Никто в Хинтиндаре не знал, что находится за пределами долины, кроме лорда Болдуина и отца Адриана.

Данбери Блэкуотер родился не в Хинтиндаре. Отец пришел в деревню всего за несколько лет до рождения сына, но никогда не говорил о своей юности. Скорее всего, думал Адриан, и рассказывать-то было нечего. Данбери был простым человеком, его больше заботило, как сделать лемех для плуга, нежели приключения. Адриан считал отца человеком скучным и с презрением относился к его ограниченности. Отчасти поэтому он ушел из дома – слишком велико было желание увидеть мир своими глазами.

Может, Пэкер и лгал насчет гоблинов, призраков, фей и эльфов, но географию он знал превосходно. Судходная часть реки действительно заканчивалась вблизи Янтарного водопада возле крупнейшего из городов Апеладорна – Колноры. Далее она превращалась в несколько быстротечных каскадов, падавших с высокогорья, где Адриан провел большую часть солдатских лет. За все то время Адриан ни разу не бывал в городе.

Он зевнул, сожалея о потерянных часах сна. Ноги затекли. Стоило ему встать, чтобы размяться, как к двери в каютное отделение направился человек в капюшоне. Адриан быстро спустился с крыши, но когда вошел в спальное помещение, понял, что господин Капюшон просто направляется к себе в каюту.

Адриан пошел к своей двери, но звук его шагов, вероятно, напугал Вивиан.

– Кто это? – дрожащим голосом позвала она. – Кто там?

– Не волнуйтесь, мисс Вивиан. Это всего лишь я, Адриан.

– Ох, хвала Марибору! Не могли бы вы минутку подождать?

Адриан услышал грохот, как будто в каюте двигают что-то тяжелое, и после некоторых манипуляций с замком дверь открылась.

Девушка жестом пригласила его войти и широко распахнула дверь.

– Мне нужно вернуть вам плащ, а еще я хотела бы кое о чем попросить.

Все каюты на барже были одинаковые, кроме, разве что, той, которую занимали ювелиры. Та была двойная, как казалось Адриану, и Юджину, вероятно, приходилось спать на полу. Комната Вивиан ничем не отличалась от каюты Адриана: такая же узкая койка, а возле нее – сундук, одновременно служивший столом. С потолка свисал фонарь, и Адриан задел его головой точно так же, как постоянно задевал у себя в каюте.

Войдя, он с удивлением заметил, что Вивиан жестом просит его закрыть дверь. Он выполнил просьбу, и девушка принялась распускать завязки плаща. Пальцы у нее дрожали.

– Я вам очень за него благодарна, – сказала она, когда ей наконец удалось освободиться от плаща.

Адриан взял плащ. Девушка зябко потерла руки.

– Если вам все еще холодно, можете оставить его себе. Я не возражаю.

Она покачала головой.

– Нет, не нужно. Во всяком случае, я надеюсь, что сегодня он мне не понадобится...

Адриан не понял, что она хотела этим сказать.

Вивиан провела языком по губам и прошептала:

– Я знаю, это прозвучит странно, но все же эту ночь вряд ли можно причислить к разряду обыкновенных... – Она замолчала. Свет фонаря окружал ее изящную фигуру легким ореолом. – Мне не стыдно вам признаться, господин Блэкуотер, что я страшно напугана. Я боюсь, что если сегодня ночью закрою глаза, то никогда больше их не открою.

– Я обещал защитить вас. И пусть вас не смущает то, что я молодо выгляжу, вы вполне можете на меня положиться. Я в соседней комнате. Если что-нибудь...

– В том-то и дело. Вдруг он перегородит вашу дверь и вы не сможете выбраться? Или вдруг заснете и не услышите, как он пробирается ко мне? Сколько нужно времени, чтобы перерезать горло? – Она коснулась рукой шеи, затем медленно провела ею по груди, вздохнула и, закрыв глаза, прибавила: – Я бы чувствовала себя в большей безопасности, если бы эту ночь вы провели в *моей* комнате.

Адриан удивленно поднял брови.

– Вы даже представить себе не можете, – продолжала Вивиан, – как много это для меня значит. Последние несколько дней были самыми страшными в моей жизни. Я потеряла все. Рухнула вся моя жизнь. И я уверена, этот человек собирается меня убить. – Она вздрогнула и шагнула ближе. – Прошу вас, для меня это очень важно. Я позабочусь о том, чтобы ночью вам не было холодно... – Девушка взяла его за руку.

Адриан прищурился. Он был молод, но отнюдь не глуп.

– Хорошо. Я... Я посижу у двери – прислонюсь к ней спиной, и даже если случайно засну, никто не сумеет войти, не разбудив меня. Что вы на это скажете? Согласны?

Адриан и не думал всерьез предлагать нечто подобное, просто ему хотелось увидеть, какова будет реакция на его слова.

И реакция не заставила себя ждать.

Не выказав ни удивления, ни раздражения по поводу его непонимания или необходимости разъяснить, что она имела в виду, ни желания уговаривать или что-либо доказывать, Вивиан спокойно принялась развязывать шнуровку на платье. В отсветах фонаря тень девушки медленно покачивалась из стороны в сторону в ритме мелодичного скрипа деревянного судна. Расшнуровав лиф, она стала вытягивать из-под него атласную ткань, обнажая бледную кожу. Адриан наконец понял, почему ей постоянно холодно: платье было надето на голое тело.

Между тем Вивиан перестала трястись от холода, словно в каюте вдруг стало очень тепло. Ее ловкие пальцы больше не дрожали, она смотрела Адриану в глаза.

– Я хочу отблагодарить вас за то, что окажете мне услугу и проведете ночь в моей каюте, – взволнованно прошептала она. – Знаю, я создаю вам определенные неудобства, но надеюсь, что сумею вознаградить вас за эту жертву.

– Не хотелось бы портить момент, но разве ваш муж не скончался совсем недавно? Вы говорили, его убили...

– И что с того? – Ее руки снова приступили к работе, пальцы забегали по груди Адриана.

– Я так понимаю, верность ему вы не хранили.

– Он мертв. А я жива и хочу жить дальше! – Слегка изогнув спину, Вивиан приподнялась на цыпочках и томно прикрыла глаза.

– Тогда я бы посоветовал вам убрать руки с моего ремня.

Она открыла глаза.

– Что?

- Не хотите объяснить, что тут на самом деле творится?
  - Не понимаю...
  - Я тоже, в том-то и проблема. Вашего мужа никто не убивал, не так ли?
  - Да, но это не значит, что я не нуждаюсь в защите.
  - От чего?
- В этот момент раздались крики.

* * *

Крики резко оборвались еще до того, как Адриан, толкнув ногой дверь каюты и велев Вивиан запереться на ключ, выбежал на палубу с мечом в руке. На палубе никого не было. Он прислушался, но не уловил ни характерного звука драки, ни стука сапог по деревянному настилу палубы, который свидетельствовал бы о бегстве убийцы. Ничего! Только плеск воды за бортом.

Он ждал.

Тишина.

Нет, не совсем тишина – все так же монотонно шептала река. Было, однако, что-то странное в звуке набегавшей на корпус баржи воды. Громкий и напористый во время движения, теперь он изменился, стал мягче, тише и казался каким-то... неправильным. И это была не единственная перемена. Баржа стояла на месте.

Адриан осмотрел открытую палубу.

Никакого движения.

Он медленно подошел к корме и неподалеку от руля увидел Сэмюэля. Ювелир лежал лицом вниз в растекающейся луже крови.

«Где же Себастьян и Юджин?» – подумал Адриан.

Он много раз видел смерть. За свою короткую жизнь он убил людей больше, чем хотелось бы помнить, но убеждал себя, что каждая смерть была необходима. Это было ложью, в которую Адриан так и не смог поверить, сколь бы ни старался убедить себя, что это правда. И все же все его схватки, заканчивающиеся смертью других людей, происходили на поле боя или на арене. Тут же дело обстояло иначе – это была ничем не оправданная резня.

Ночь, еще недавно такая тихая и мирная, приобрела некий грозный оттенок. Покачивающиеся фонари едва освещали палубу, и вкупе с тусклым светом половинки луны рождали тысячи причудливых силуэтов. Адриан не боялся за свою жизнь: то, что здесь произошло, так или иначе закончилось. На палубе он чувствовал себя в безопасности, но оставались еще трюм и каюты. Взяв фонарь, он перебрался на нос и там обнаружил двух других купцов. Оба были мертвы. Себастьян и Юджин с перерезанными горлами лежали в лужах собственной крови.

В нескольких футах от их тел находился люк, ведущий в трюм. Замок был снят, дверца открыта. Адриан заглянул внутрь. Там виднелись плотно сложенные многочисленные ящики, мешки, сумки и коробки. За ними вроде бы никто не таился. Адриан снова прислушался, и снова ответом ему была лишь мертвая тишина. Спустившись, он, держа короткий меч наготове, продвигался по узкому проходу, который доходил до середины баржи. Здесь Адриан обнаружил огромные раскрытые сундуки, принадлежавшие ювелирам. Внутри лежали дорогие плащи, роскошные тарелки, столовое серебро, золотые кубки, ожерелья,

подсвечники, блюда и хрустальные бокалы. Потом он увидел небольшой сундучок и сейф. Оба были открыты и пусты, а неподалеку валялись два замка.

Оставив все в том виде, в каком он это нашел, Адриан вернулся на палубу.

Там по-прежнему царила тишина... мертвая тишина.

Неожиданно Адриан вспомнил о кучере и о том, что баржа стоит на месте. В тусклом сиянии луны он различил лишь силуэты лошадей, освещенные фонарем Эндрю. Адриан пошел назад в каюты.

В коридоре он не обнаружил никаких изменений, дверь в каюту Вивиан была цела. Он знал, что девушка придет в ужас, и на сей раз на то у нее есть веская причина. Единственное, чем он мог ее успокоить, это то, что им теперь ничто не угрожает. Человека в капюшоне и след простыл.

– Отоприте, мисс Вивиан, – сказал он, постучавшись. – Это...

Дверь со скрипом чуть приоткрылась. От изумления и дурного предчувствия Адриан перестал дышать. Сердце яростно заколотилось в груди. Он с силой толкнул дверь и окинул взглядом маленькую каюту, все еще освещенную фонарем. Дверь на что-то наткнулась с глухим звуком, и Адриан увидел руку – только руку с чуть согнутыми пальцами. Вивиан лежала на животе в луже крови, которая, растекаясь по полу, впитывалась в сухое дерево.

«А если я вообще не доберусь до Колноры? – вспомнил Адриан ее слова. – Вдруг он убьет меня прямо здесь, на барже?»

Адриана замутило. Он покачал головой и, отступив, задел фонарь на потолке. По стенам заплясали тени.

Он обещал защитить ее. Заверил, что ей нечего бояться...

Адриан попятился и задом вышел из каюты, оставляя за собой алые следы.

«Что происходит со мной и смертью? – мелькнуло у него в голове. – Я проделал такой путь, сотни миль, чтобы уйти от нее как можно дальше, и все равно оставляю за собой кровавые следы».

Адриан вернулся к себе в каюту и собрал вещи. У него была только одна сумка, вмещавшая все его богатство. Закинув ее на плечо, он вдруг подумал о Пиклзе. Выходит, стражник, задержавший мальчишку на площади неподалеку от речного порта, спас тому жизнь. Большой меч Адриана все еще висел на крючке на стене. Он перекинул перевязь через плечо, поправил меч на спине и выбрался на палубу.

Без лошадиной тяги и должных действий рулевого баржа сама, словно маятник часов, прибилась к берегу. Адриан легко спрыгнул на землю. Когда он подошел к лошадям, подтвердилась его страшная догадка. Эндрю исчез. Труса не было, но кровавый след, тянувшийся к реке, говорил сам за себя.

Адриан обнаружил, что стоит на бечевнике у подножия голого каменного утеса, заслонявшего большую часть неба. Фонарь Эндрю отбрасывал на камень исполинскую тень Адриана. Не считая крови и пропавшего коновода, на берегу было так же спокойно, как на лодке. Привязанные к дереву лошади, Бесси и Гертруда, ждали сигнала к отправлению.

Адриан привязал лодочный канат к другому дереву и распряг лошадей. Конец повода он закрепил между двумя камнями, чтобы сильное течение не унесло баржу в другое место, и снова вернулся к лошадям. Он привязал Бесси – или Гертруду? – к тому же дереву, что и лодочный канат, и запрыгнул на спину второй лошади.

– Нет смысла оставлять тебя здесь, – сказал он кобыле и слегка ударил ее по бокам. Лошадь, не привыкшая к всаднику у себя на спине, плелась очень медленно, что вызывало у

Адриана раздражение, но все же это было лучше, чем идти пешком.

Адриан гадал, не встретит ли он человека в капюшоне в каком-нибудь трактире или на постоялом дворе. Он представил, как найдет его, когда тот, расслабившись, будет пить и хвастаться, как только что прикончил всех пассажиров бернумской баржи, и эта картина придала ему сил.

Адриан устал от убийств, но, несмотря на данное себе обещание, для человека в капюшоне готов был сделать исключение.

Глава шестая. Руины на Кривой улице

На протяжении двух лет Гвен смотрела из окон трактира «Гадкая голова» на заброшенный дом напротив, но до сегодняшнего дня ни разу туда не заходила. Были такие, кто пробовал зайти. Когда окончательно покидали силы и зимний холод пробирал до костей, многие отчаявшиеся люди искали приют в руинах, которые становились последним их прибежищем. Каждый год Итан выволакивал из полуразрушенного здания по меньшей мере одно замерзшее тело. Нижний квартал был подобен городской клоаке, а тупик на Кривой улице – сточной канаве. Сейчас, стоя среди развалин бывшего постоянного двора, Гвен гадала, сколько пройдет времени, прежде чем этот жуткий водоворот засосет их всех.

У дома сохранились только две стены, третья, извиваясь, как набегавшая на берег волна, клонилась внутрь, а от последней вообще почти ничего не осталось. Часть второго этажа обвалилась, равно как и большая часть крыши. Сквозь дыры в ней Гвен видела проплывавшие по небу облака. Из щелей в полу проросли три чахлах дерева, одно из которых возвышалось на четыре фута, и его ствол был толщиной с ее большой палец.

– А здесь не так плохо, – послышался голос Розы.

Гвен оглянулась, но в сумраке руин не увидела ее. Войдя в заброшенный дом, все девушки бесцельно бродили по развалинам, слово призраки.

– Где ты?

– Не знаю... наверное, в гостиной?

В *гостиной*? Гвен едва не рассмеялась. Не столько из-за абсурдности этого слова, сколько от того, как безмятежно и непринужденно прозвучал голос Розы. Гвен заметила Джоллин – та обходила разрушенную лестницу, скрестив руки на груди и наклонив голову, чтобы пробраться сквозь обломки. Их взгляды встретились, и девушки обменялись одинаковыми улыбками. Только Роза могла усмотреть на этой свалке гостиную.

Они пошли на голос Розы и обнаружили единственную комнату, где уцелели все четыре стены. По полу, покрытому толстым слоем пыли, грязи и крысиного помета, были разбросаны обломки старой мебели. Под стропилами семейство ласточек свило гнездо из веток, и пол внизу был густо забрызган белыми и серыми пятнами. Однако все обратили внимание на камин. В отличие от деревянных и гипсовых стен он, сложенный из плитняка, не поддавался разрушительному воздействию времени и выглядел почти нетронутым, даже красивым.

– Смотрите! – воскликнула Роза, поворачиваясь к остальным. В руках она держала железные каминные щипцы. – Я нашла их под рухлядь в углу. Мы можем развести огонь.

До сей минуты Гвен была почти уверена, что совершила самую большую в своей жизни ошибку, которая немногим отличалась от предыдущей – побега от Гру.

В свой первый день в Медфорде, исполнив наконец мечту матери, Гвен считала, что ей неслыханно повезло. Она не просто добралась до города, но и в тот же день получила работу. Гру взял ее подносчицей в «Гадкую голову», предоставил ей комнату и пропитание. В большой спальне с матрасами на полу, конечно, жили и другие девушки, поэтому монеты Гвен спрятала под половицей в маленькой комнатке напротив – там, где стояла только одна кровать. Следовало бы сразу понять, что скрывается за мнимой добротой Гру. В северных краях она ни от кого не видела доброго к себе отношения. Гвен отличалась от этих людей, и чем дальше она продвигалась на север, тем чаще ловила на себе полные презрения

взгляды. В день, когда она обнаружила, что *подносица* – значит шляха, Гвен попыталась уйти из трактира.

Гру избил ее.

После этого он не спускал с нее глаз, не давая даже приблизиться к открытой двери. Так продолжалось несколько недель, а потом Гру ослабил внимание и, проявив беспечность, однажды оставил девушку одну в пивном зале при открытой двери. Гвен сбежала. Драгоценные монеты остались под половицей, но она вырвалась на свободу. По крайней мере, так она тогда думала.

Гвен бродила по городу в поисках работы, подачек, помощи, но повсюду сталкивалась лишь с равнодушием, а иногда и с неприкрытой ненавистью. Ее осыпали оскорблениями, она слышала в свой адрес только дурные слова, которыми обычно называли калианских простолюдинов. Прошло больше недели – она точно не знала, сколько, просто потеряла счет времени. Питаясь лишь объедками, найденными в кучах мусора и отбросов, Гвен вконец обессилела от усталости и голода. В глазах у нее двоилось, она едва держалась на ногах. Как и Хильда, она попыталась устроиться в другие бордели, но везде получила отказ. Тогда-то она поняла, что разговоры о Хильде вовсе не были досужими слухами. Гвен охватил ужас. Она осознала, что скоро умрет.

«Береги их, пока не поймешь, что иного выхода у тебя нет», – вспомнились ей слова таинственного незнакомца.

Трудно было представить более отчаянные обстоятельства, нежели те, в которых она сейчас оказалась. Видимо, пришло время воспользоваться монетами... вот только Гвен оставила их в трактире. Голод погнал ее обратно в «Гадкую голову». Пришлось рискнуть. Она знала, что незаметно пробраться внутрь ей едва ли удастся, и приготовилась к очередным побоям. Возможно, на сей раз Гру ее убьет, но выбора не было. На улице она все равно бы погибла.

К удивлению Гвен, Гру не только не убил ее, но даже пальцем не тронул. Он просто уставился на нее тяжелым взглядом и грустно покачал головой. Затем отправил девушку в постель и велел дать ей поесть – сначала суп, потом немного хлеба. Она говорила себе, что заберет монеты, когда поправится и окрепнет. Шли дни. Она ела и спала, спала и ела. К ней приходили другие девушки, обнимали ее, целовали и плакали, жалея ее и радуясь, что с ней все хорошо. Впервые со дня смерти матери Гвен почувствовала человеческое тепло и ощутила дружеское прикосновение. Она тоже расплакалась.

Вскоре появился и сам Гру.

– Я не обязан был брать тебя назад. Ты ведь это понимаешь? – сказал он, возвышаясь над ней, скрестив руки на груди. – Ты молодая и глупая, но может быть, теперь наконец увидишь мир таким, каков он есть. Никто тебе не поможет. Всем на тебя наплевать. Не знаю, что за ужасы ты себе навоображала обо мне и что ты обо мне слышала, но позволь сказать тебе вот что: большая их часть – правда. Человек я дурной, зато никогда не вру. Благородные, люди с хорошей репутацией – вот кто вечно врет. Плевать я хотел с высокой колокольни, кто что обо мне думает. Мне уже давно до этого нет дела. Так что можешь мне поверить, я не проронил бы и слезинки, если бы ты подохла, и твой побег не лишил меня сна. Однако, по правде говоря, с тобой я заработаю больше, чем без тебя, поэтому получается, что я единственный человек на свете, кому небезразлично, что с тобой произойдет. Я не стану запирать тебя, как раньше. И следить за тобой не буду. Захочешь уйти – уходи. Уходи и подымай, как прочие. – Он повернулся и взялся за ручку двери. – С завтрашнего дня выходишь на работу.

Той ночью Гвен не спалось. Она могла бы забрать монеты и бежать. Но неделя на улице доказала, что в Медфорде перед ней закрыты все двери, кроме «Гадкой головы». Если она хочет выжить, придется вернуться на юг. Четырех монет вполне достаточно, чтобы добраться до Вернеса или даже до Калиса. Это на севере ее могут обвинить в колдовстве, но среди своих сограждан она могла бы зарабатывать гаданием и скопить небольшое состояние, как сделала ее мать.

[Купить полную версию книги](#)